

Коллектив авторов
Все оттенки порока
Серия «Философский поединок»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746027
Все оттенки порока (сборник): «ТД Алгоритм»; Москва; 2015
ISBN 978-5-906789-08-2

Аннотация

Эрих Фромм – немецкий социолог и философ, один из основателей неопрейдизма. Симона де Бовуар – французская писательница, философ экзистенциалистского направления.

В книге, представленной вашему вниманию, Эрих Фромм и Симона де Бовуар с позиции неопрейдистской философии и экзистенциализма анализируют девиантное («отклоненческое») сексуальное поведение, его причины, формы и виды – то есть все то, что называется пороком. Отчасти представление о таком поведении содержится в бестселлере Э. Л. Джеймса «Пятьдесят оттенков серого»; в данной книге лейтмотивом проходит скандально известное произведение Д. Истон и К. А. Лист «Этика б****ва».

Кроме Фромма и де Бовуар, с анализом «50 оттенков порока» здесь выступают такие культовые философы и психоаналитики, как Луиза Андреас-Саломе, Лейл Лаундес, Морис Бланшо, Жан Бодрийяр и другие.

Содержание

Интродукция. Этическое обоснование порока	5
Обратная сторона любви	11
Можно ли «иметь» любовь?	11
Синдром влюбленности	16
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Все оттенки порока (сборник)

© Перевод с немецкого, перевод с английского, перевод с французского, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Интродукция. Этическое обоснование порока

(из книги Д. Истон, К. А. Лист «Этика блудства», перевод с английского Д. Сиромахи)

Многие мечтают о свободной половой жизни – о том, чтобы секса, любви и дружбы было столько, сколько нужно. Однако большинство даже не пытается что-либо сделать, полагая, что подобный образ жизни недостижим. Многие из тех, кто все же решается, сдаются на полпути, встретив непреодолимые – или слишком серьезные для них – препятствия. И только немногим настойчивым открывается, что сексуальная связь со многими людьми не только возможна, но и куда более прекрасна, чем они могли представить.

Между тем уже много десятилетий люди пользуются преимуществами свободной любви – не особенно афишируя свой образ жизни.

Мы с гордостью представляем вам слово «блядь» в новом значении – одобрительном и даже ласковом. Для нас блядь – это любой человек, обладающий храбростью жить согласно принципу: секс прекрасен, а удовольствие полезно. Блядь – может заниматься сексом только с собой или с ротой солдат. Блядью может быть гетеро-, гомо- или бисексуал, радикальный активист или мирный обыватель.

Как настоящие бляди мы верим: секс и плотская любовь – фундаментальные силы добра, способные укрепить связи между людьми, улучшить качество жизни, повысить уровень осознанности и даже изменить мир. Путь сексуальности – если выбрать его осознанно и следовать ему внимательно – может стать позитивной, созидающей силой в жизни общества и каждого из нас.

Бляди хотят многого: разнообразия сексуальных проявлений, контактов с разными людьми – возможно, с мужчинами и женщинами одновременно. Нам любопытно: что будет, если объединить энергию четверых или пятерых в зажигательной интимной встрече? Что будет, если вступить в физическую близость с той, кого я десять лет считаю лучшей подружкой? Как это будет вон с тем, настолько не похожим на меня человеком?

Некоторые из нас обнаруживают новые проявления своей личности, занимаясь сексом с разными партнерами. Для некоторых достаточно флирта, который они считают видом искусства, другие превращают в искусство сам секс. И все мы – любим приключения.

Соитие. Древнеримская фреска

Опять же, о таких часто говорят свысока, мол, они незрелые, неискренние, не могут «повзрослеть», «остепениться» и начать моногамную жизнь. Но что плохого в приключениях? Неужели нельзя наслаждаться ими, одновременно воспитывая детей, покупая дома и занимаясь карьерой? Еще как можно – блядям тоже выдают кредиты. Нам нравится усложнять себе жизнь, ведь от этого она становится намного интереснее.

Мы ненавидим скуку. Мы хотим получать от жизни все и делиться тем, что имеем. Мы считаем, что секса много не бывает, за исключением редких счастливых моментов, когда

выбор превышает возможности, и что этика, о которой идет речь, никак не связана с умеренностью или воздержанием.

* * *

...Искушенные в сексе знают, чего хотят. Благодаря этому потенциальный партнер может предложить что угодно, ведь он знает, что вы откажетесь, если не захотите. Только вы и никто другой должны разобраться, чего вам хочется, никто не будет угадывать или переспрашивать дважды. Поэтому придется научиться говорить «нет», причем с легкостью, чтобы пара лишних «да ладно тебе» не испортила вам вечер. У мужчин с этим тоже бывают трудности: их учат, что надо всегда быть готовым к сексу и если кто-то проявляет инициативу, а ты не хочешь или не готов, «нет» прозвучит нелепо и немужественно.

Когда говорите «нет», делайте это четко и вежливо. Пожалуйста, не унижайте людей, которым вы понравились, — надо быть идиотом, чтобы обратить на вас внимание, да? Вежливое предложение — это комплимент, а не оскорбление. Если вам стыдно отказаться от него, отвечайте за ваше смущение. Она не виновата, если вы ей приглянулись.

Женщин учат, что прямо говорить «нет» — неженственно. Мы должны только намекать, а это не помогает. Потренируйтесь говорить «нет». Повторите пятнадцать раз, глядя в зеркало: «Нет, спасибо за предложение, но нет». Вы не обязаны придумывать оправдание или причину. Нелепо жаловаться на головную боль уже во время оргии. Проще сказать правду: «Нет, большое спасибо, я не хочу».

Не помешает женщинам и умение соглашаться. Бытует миф, что мужчина должен уговорами, хитростью или угрозами заставить женщину сказать «да» или хотя бы не говорить «нет», а тогда можно делать все, что взбредет в голову. Женщинам необходимо «сравнять счет»: почаще выбирать самим, зная, что доставит удовольствие, и уметь прямо сказать, чего хочется, тому, кто нравится. А если вы мужчина, который больше заботится о том, чтобы выглядеть хорошим любовником, чем о своем удовольствии, вам тоже надо научиться говорить «да». И это может оказаться сложнее, чем кажется...

Для начала хорошо бы определиться, кого вы ищете. Принимая такое решение, очень важно не ставить слишком узких или широких рамок. Если вам подойдет любой, кто дышит и готов заняться сексом, то размах, на наш взгляд, великоват. Даже если вам не важен пол, возраст, внешность, происхождение или уровень интеллекта, скорее всего, вам хотелось бы найти человека, который не будет лгать, воровать, обижать или использовать вас: здравый рассудок, честность и уважение — обязательные критерии для большинства. И не бойтесь прямо заявлять об особенно важных качествах: вас не будут преследовать за дискриминацию, если женщин вы любите больше мужчин или с ровесниками вам интереснее, чем с людьми намного старше или моложе.

С другой стороны, если список необходимых вам качеств похож на технические характеристики бытового прибора — пол, возраст, вес, рост, цвет глаз и волос, стиль одежды, образование, размер члена, половые предпочтения — мы подозреваем, что вам больше хочется заняться любовью с собственной фантазией, чем с живым человеком. К сожалению, многие из нас привыкли к далеким от реальности стандартам внешности и поведения — за порномоделями интересно наблюдать на экране, но они редко встречаются в наших гостиных. Если вы хотите, чтобы ваша новая возлюбленная была прекрасной, любящей и вечно возбужденной, то, скорее всего, вас ждет разочарование — редко кто отвечает этим требованиям, а уж круглосуточно и подавно.

Мы не можем показать вам грань между здоровым предпочтением и несбыточным желанием — только вы можете ее найти. Однако мы считаем, что внешность, богатство и положение в обществе очень мало говорят о человеке, и если среди ваших критериев именно

они являются главными, вы, скорее всего, слегка заплутали в мире иллюзий. Попробуйте познакомиться с людьми, которые не отвечают этим требованиям. Мы подозреваем, что если вы с ними подружитесь, то поймете, что у них есть свои, уникальные достоинства и они ждут, когда кто-нибудь их заметит.

Важное предупреждение: даже самые красивые, богатые и пышногрудые не хотели бы думать, что это главные их достоинства. Они предпочитают встречаться с теми, кто считает эти качества приятным дополнением, а не причиной для выбора.

Если вы одиночка и любите свободный секс, обратите внимание, каким образом вы удовлетворяете свои желания – сексуальные и эмоциональные. Получить желаемое можно многими путями – но, чтобы делать это сознательно, важно разобраться в себе и понять, что именно вам нужно. Притворяясь, что вам ничего не нужно – в том числе секс, любовь, эмоциональная поддержка, – вы обманываете себя и будете пытаться получить желаемое тайком, что вряд ли получится.

Таких людей называют пассивно-агрессивными или манипуляторами – мы считаем, что это люди, которые не умеют напрямую заботиться о своих нуждах. Не обрекайте себя на жизнь намеков и надежд.

Когда вы поймете, чего хотите, и попросите об этом, то удивитесь, как часто будете слышать «да» в ответ. Вспомните, какое облегчение чувствовали, когда кто-нибудь просил вас о поддержке, объятии или как-нибудь еще давал знать, как ему угодить. Вспомните, как чувствовали себя на высоте, да и просто хорошо, когда сумели по-настоящему помочь другому человеку – позволили ему выплакаться или подарили идеальный оргазм.

Позвольте своим друзьям почувствовать себя так же хорошо, помогая вам...

* * *

Расширяя свое представление о сексе, включая в него все, что доставляет нам удовольствие, мы освобождаемся от «тирании гидравлики», от обязанности удовлетворить партнершу, возможно, даже от контрацептивов, если решим, что ласки – это уже замечательный секс.

Удовольствие – полезно. Делайте то, что доставляет вам удовольствие. Не позволяйте никому учить вас, что должно вам нравиться, а что нет. Тогда не ошибетесь. Тогда секс становится очень простым – наслаждаться и делиться им тоже просто.

Все, что вы сейчас умеете, вы где-то и как-то научились, поэтому, если захотите, сможете еще чему-нибудь научиться – новым способам получать удовольствие от секса и преодолевать затруднения, если они у вас есть. Обучение требует некоторых усилий, но они того стоят, и мы знаем, что вы проявите смелость и настойчивость. Мы советуем прочесть несколько книг о сексе – существует качественная литература для любых ориентации и предпочтений. Читайте вместе с партнерами, чтобы ваши знания совпадали. Во многих книгах даются упражнения для развития сексуальных навыков – поделайте их.

Говорите о непристойностях. Обсуждайте секс. Просите людей поделиться опытом и делитесь собственным. Поговорите с близкими, с друзьями, с людьми, которых уважаете. Поначалу нарушить молчание бывает страшно, но откровенный разговор с любовниками и друзьями станет настолько ценным для всех вас, что уж точно оправдает несколько минут смущения.

Одна из наших подруг была уверена, что в целом свете только у нее болят щеки, когда она сосет член. Поговорив с друзьями, она поняла, что принадлежит к большинству. Если вы не можете откровенно и подробно поговорить о сексе с любовниками, как вы собираетесь справляться с трудностями или пробовать что-то новое?..

Большинство успешных отношений, от случайного знакомства до моногамии на всю жизнь, основаны на предположениях, которые на самом деле являются неписанными договоренностями о поведении: с почтальоном не целуются, маме чаевых не дают. Этим правилам с ранних лет нас учат родители, друзья и общество. Люди, которые их нарушают, часто считаются странными и даже сумасшедшими, потому что ценности и суждения, стоящие за этими правилами, настолько глубоко укоренились, что обычно мы их не замечаем.

Когда речь идет о повседневных отношениях с коллегами или соседями, вполне можно рассчитывать на такие «встроенные» договоренности. Но, когда вы имеете дело с чем-то сложным и беспрецедентным – например, с этичным блядством, – мы считаем, важно ничего не принимать как должное. Говорите с близкими о договоренностях, обсуждайте условия, обстановку и варианты поведения, которые вас устроят.

Из чего состоит хорошая договоренность? На наш взгляд, самое важное в ней – согласие, или «всеобщее активное участие ради блага, пользы и удовольствия каждого участника». В случае полиамории это касается не только непосредственных участников, но и основных партнеров, детей и всех остальных, на кого влияют ваши договоренности.

Дать определение согласию не всегда просто. Если кто-либо соглашается под давлением, вряд ли это участие можно назвать активным и всеобщим.

Невозможно прийти к активному согласию, если каждый, кого это касается, не возьмет на себя ответственность за свои чувства и их выражение. Это не всегда легко. Иногда вовсе не хочется вытаскивать эмоции на поверхность и заниматься ими – может, вам просто плохо.

Если боитесь, что сами не справитесь, попросите о помощи: пусть вас приласкают и утешат, а мудрый друг или психолог задаст вопросы, которые помогут разобраться в себе. Как только вы станете прислушиваться к своим чувствам, будет гораздо проще понять, что учитывать при очередной договоренности.

Большинство из нас нужно поддержать, чтобы мы смогли попросить о том, что нам нужно. Нам важно чувствовать, что наши условия не настроят никого против. Многие очень ранимы, когда речь заходит об эмоциональных потребностях, но важно помнить, что мы имеем на них право: «Мне нужно чувствовать себя любимым», «Мне важно чувствовать, что я нужен тебе», «Мне нужно знать, что я для тебя привлекательна», «Мне важно, чтобы ты выслушала и позаботилась обо мне, когда мне плохо».

В договоренности не должно быть места обвинениям, манипуляциям, угрозам и порицаниям. Участники должны пообещать внимательно, открыто и не осуждая выслушать, что чувствует и чего хочет каждый. Если вы ждете, что партнер признается в какой-нибудь слабости, чтобы использовать это против него и «выиграть» спор, – вы еще не готовы нормально договариваться о чем-либо.

Мелочность – еще один враг хороших договоренностей. Одна знакомая пара договори-лась сообщать о сексе на стороне в течение двадцати четырех часов. Однажды он позвонил и сказал, что накануне вечером переспал с женщиной. «Но ведь мы договорились в течение двадцати четырех часов!» – разозлилась она. «Ну да, но никто же не говорил, что эти двадцать четыре часа должны быть перед сексом, а не после», – отвертелся он. Его поведение никому не прибавило уверенности, что договоренность действует.

Мораль: выражайтесь яснее, учитывайте детали.

* * *

...Есть несколько видов открытых отношений для людей, состоящих в паре: например, серийная моногамия, когда партнеры разделены во времени, а также неизменно популярная несогласованная немоногамия, иначе называемая «изменой». Это можно назвать «бессознательной свободной любовью».

Очевидно, что лучше всех открытые отношения получаются у пары, которая сначала позаботится друг о друге, а уж потом позовет кого-то еще. Поэтому парам придется постараться и сделать все, чтобы научиться понимать друг друга, справляться с ревностью, сомнениями и собственническими чувствами, делая это как можно более сознательно.

Не обойтись им и без счастливого, здорового и страстного секса друг с другом. У пар могут быть отношения за пределами основных или просто несколько любовников без какой-либо иерархии. Отношения могут сильно различаться по степени близости и по частоте встреч. Одни длятся недолго, другие – годы или даже всю жизнь; встречи происходят дважды в неделю или раз в полгода.

Бывает, что партнеры ищут любовников отдельно: заранее договариваются, кто в какой клуб поедет, и стараются не пересекаться в интернете или газетных объявлениях. Иногда они рассказывают друг другу о своих приключениях и знакомят с любовниками.

Другие выбирают подходящую пару и знакомятся с ней, чтобы позабавиться вчетвером или поменяться партнерами. Многие полиаморные пары прекрасно живут, находя людей с похожими интересами. Подобные двойные союзы могут длиться всю жизнь и дарить жаркий секс и настоящую семейную идиллию.

Оргия. Рисунок на древнегреческой вазе

Некоторым парам, равно как и одиночкам, нравится групповой секс. Во многих крупных городах есть заведения для оргий и свинга, секс-клубы и гей-сауны на любой вкус. Заведения для группового секса могут стать безопасным пространством для экспериментов немоногамной пары. Вечеринки можно посещать вместе или по отдельности, «снимать» партнеров в одиночку или «парой», встречаться с друзьями друг друга и развлекаться с разными людьми, все время сохраняя приемлемую для обоих связь друг с другом.

Групповой секс позволяет найти новых партнеров в безопасной, дружественной обстановке – можно лучше рассмотреть понравившегося человека, пока он занят кем-то другим. Очень удобно перенимать опыт: если мы видим, что кто-то вытворяет нечто, о чем мы лишь мечтать могли, можно подойти и спросить, как он это делает.

После многих лет практики публичного секса нас поражает, что большинство людей ни разу не видели, как это делают другие. Оглянитесь вокруг – все люди прекрасны, когда кончают. Поэтому оргия – рай для эксгибициониста: на секс-вечеринках каждый становится звездой и может блистать как никогда.

В секс-клубах царит особая атмосфера. Бывают клубы только для женщин, только для мужчин, для пар, для поклонников садо-мазо, трансвеститов, а также приверженцев всех мыслимых и немыслимых сексуальных практик – некоторые из них надо увидеть своим глазами, чтобы поверить.

Все заведения для группового секса, будь то большие открытые клубы или маленькие дома для вечеринок, существуют ради создания пространства, где можно вести себя сексуально. На некоторых вечеринках принято ходить голышом, другие предлагают великолепную коллекцию костюмов для любых сексуальных фантазий.

В каждом заведении должны быть душевые. И, конечно, игровые комнаты.

Игровые комнаты бывают разными: от крошечных, окруженных лабиринтом кабинок до просторных залов с зеркалами и мягким полом для «кучи малы». Иногда встречаются комнаты со специальной мебелью для секса, вроде гинекологических кресел, качелей, постелей с зеркалами, темниц для садо-мазо фантазий или водяной кровати для любителей покачаться на волнах...

Секс-вечеринки – еще и отличная возможность справиться со страхами и ревностью. Некоторые пары находят, что групповой секс оживляет их половую жизнь, наполняя ее энергией, новыми идеями и стремлением сделать ее такой же пылкой, как оргия.

Шумная и беспокойная обстановка на вечеринке может заставить людей спешить, хотя возбудиться проще всего, если замедлиться. Волшебство здесь помогает крайне редко, и рассчитывать на него не приходится. Разные люди возбуждаются по-разному, и очень полезно знать, от чего это случается с вами.

Даже если для этого вас нужно укусить за шею или облизать коленки сзади – если вы знаете об этом, то можете попросить: партнер будет знать, что делать, и смелее расскажет вам, что возбуждает его, а тогда – вот увидите – всех вас настигнет поток необузданной страсти.

* * *

Умение поддерживать отношения и высокий уровень этики еще не означают, что вы проживете с одним или несколькими партнерами всю жизнь. Мы по опыту знаем, что отношения меняются, люди вырастают из них, люди тоже меняются. У них появляются новые желания и мечты.

Причины разрыва могут быть вообще не связаны с открытостью отношений. В любом случае, если бы вам не была нужна сексуальная свобода, вы бы так не старались.

Важно помнить, что разрыв не означает конец отношений, это может быть переход на новую ступень – учтивых знакомых, друзей или даже любовников. Прелесть этичного бледства в том, что отношения становятся шире, чем двусторонние: с каждым можно поддерживать ту связь, которая подходит обоим.

Когда отношения кардинально меняются, хорошо, если все достаточно спокойны, чтобы расстаться и не потерять при этом любовь и самообладание. Но часто разрыв приносит боль, злость и несчастье. Горечь утраты отношений, на которые вы рассчитывали, очень глубока, и мало кто показывает себя с лучшей стороны во время болезненного расставания.

Самая острая боль обычно проходит через три месяца. Это значит, что нестерпимые и непреодолимые чувства горечи, потери, одиночества, гнева и другие через три месяца покажутся неприятными, но управляемыми.

Полезный совет: как только улеглись чувства, неплохо бы снова начать общаться с бывшим партнером – например, выпить вместе кофе или сходить в кино. После всего, что вы пережили вместе, досадно не остаться хотя бы друзьями.

Обратная сторона любви

Можно ли «иметь» любовь?

(из книг Э. Фромма «Искусство любви», перевод с английского Л. Чернышевой, и «Иметь или быть», перевод с английского М. Хорькова)

...Может ли человек «иметь» любовь? Будь это возможно, любовь должна была бы существовать в виде какой-то вещи, субстанции, которой человек может владеть и обладать как собственностью. Но дело в том, что такой вещи, как «любовь», не существует. «Любовь» – это абстракция; может быть, это какое-то неземное существо или богиня, хотя никому еще не удавалось увидеть эту богиню воочию. Если человек испытывает любовь, то это означает, что он стремится лишить объект своей «любви» свободы и держать его под контролем. Такая любовь не дарует жизнь, а подавляет, губит, душит, убивает ее.

Когда люди говорят о любви, они обычно злоупотребляют этим словом, чтобы скрыть, что в действительности они любви не испытывают. Многие ли родители, например, любят своих детей? Этот вопрос все еще остается открытым. Ллойд де Моз обнаружил, что история западного мира двух последних тысячелетий свидетельствует о таких ужасных проявлениях жестокости родителей по отношению к собственным детям – начиная от физических истязаний и кончая издевательствами над их психикой, – о таком безразличном, откровенно собственническом и садистском отношении к ним, что приходится признать, что любящие родители – это скорее исключение, чем правило.

То же самое можно сказать и о браке, – действительно любящие друг друга муж и жена представляются исключением. Брачный контракт дает каждой из сторон исключительное право на владение телом, чувствами и вниманием партнера. Теперь уже нет нужды никого завоевывать, ведь любовь превратилась в нечто такое, чем человек обладает, – в своего рода собственность. Ни тот, ни другой из партнеров уже больше не прилагает усилий для того, чтобы быть привлекательным и вызывать любовь, поэтому оба начинают надоедать друг другу.

Оба разочарованы и озадачены. Разве они уже не те люди, которыми были прежде? Не ошиблись ли они? При этом у того или другого из партнеров может возникнуть иллюзия, будто новый партнер (или партнеры) способен удовлетворить его жажду любви. Однако любовь не является выражением их бытия; это богиня, которой они жаждут покоряться. Их любовь неизбежно терпит крах, потому что «любовь – дитя свободы» (как поется в одной старинной французской песенке), и тот, кто был поклонником богини любви, становится в конце концов настолько пассивным, что превращается в унылое, надоедливое существо, утратившее остатки своей прежней привлекательности.

Лишь в некоторых случаях брак, основывавшийся сначала на любви, превращается в мирное совместное владение собственностью, некую корпорацию, в которой эгоизм одного соединяется с эгоизмом другого и образует нечто целое: «семью».

* * *

В современном мире под равенством понимают равенство автоматов: людей, которые лишены индивидуальности. Равенство сегодня означает «тождество» в большей степени, чем «единство». Это тождество абстракций, людей, которые работают на одних и тех же

работах, имеют похожие развлечения; читают одни и те же газеты, имеют одни и те же чувства и идеи.

В этом положении приходится с некоторым скептицизмом смотреть на иные достижения, обычно восхваляемые, как некие знаки нашего прогресса, как например, равенство женщин. Это часть общего стремления к уничтожению различий. Равенство покупается дорогой ценой: женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины.

Утверждение философии Просвещения «l'ame no pas de sexe» – душа не имеет пола – стала общей практикой. Полярная противоположность полов исчезает, мужчина и женщина стали похожими. Современное общество проповедует идеал неиндивидуализированной любви, потому что нуждается в похожих друг на друга человеческих атомах, чтобы сделать их функцией в массовом агрегате, действующей исправно, без трений; чтоб все повиновались одним и тем же приказам, и при этом каждый был бы убежден, что он следует своим собственным желаниям.

Симбиотическое единство является распространенной моделью отношений между мужчиной и женщиной. Пассивная форма симбиотического единства – это подчинение, или, если воспользоваться клиническим термином, – мазохизм. Мазохист избегает невыносимого чувства изоляции и одиночества, делая себя неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его, является как бы его жизнью и кислородом. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение: будь то человек или бог. Он – все, я – ничто, я всего лишь часть его. Как часть, я часть величия, силы, уверенности.

Мазохист не должен принимать решений, не должен идти ни на какой риск; он никогда не бывает одинок, но не бывает и независим. Он не имеет целостности, он еще даже не родился по-настоящему. В религиозном контексте объект поклонения – идол, в светском контексте в мазохистской любви действует тот же существенный механизм, что и в идолопоклонстве.

Мазохистские отношения могут быть связаны с физическим, сексуальным желанием; в этом случае имеет место подчинение, в котором участвует не только ум человека, но и его тело. Может существовать мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, оргиастическому состоянию, производимому наркотиком, гипнотическим трансом – во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делает себя орудием кого-то или чего-то вне себя; он не в состоянии разрешить проблему жизни посредством созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического единства – это господство, или, используя психологический термин, соотносимый с мазохизмом, садизм. Садист хочет избежать одиночества и чувства замкнутости в себе, делая другого человека неотъемлемой частью самого себя. Он как бы набирается силы, вбирая в себя другого человека, который ему поклоняется. Садист зависит от подчиненного человека так же, как и тот зависит от него; ни тот ни другой не могут жить друг без друга. Разница только в том, что садист отдает приказания, эксплуатирует, причиняет боль, унижает, а мазохист подчиняется приказу, эксплуатации, боли, унижению.

Бичуемая девушка и вакханка. Древнеримская фреска

В реальности эта разница существенна, но в более глубинном эмоциональном смысле не так велика разница, как то общее, что объединяет обе стороны – слияние без целостности.

* * *

Эротическая любовь, вероятно, это самая обманчивая форма любви. Прежде всего, ее часто путают с бурным переживанием «влюбленности», внезапного крушения барьеров, существовавших до этого момента между двумя чужими людьми. Но это переживание внезапной близости по самой своей природе кратковременно. После того, как чужой станет близким, нет больше барьеров для преодоления, нет больше неожиданного сближения. Любимого человека познаешь так же хорошо, как самого себя. Или, может, лучше сказать – познаешь так же мало, как самого себя.

Если бы познание другого человека шло вглубь, если бы познавалась бесконечность его личности, то другого человека никогда нельзя было бы познать окончательно – и чудо преодоления барьеров могло бы повторяться каждый день заново. Но у большинства людей познание собственной личности, так же как и познание других личностей, слишком поспешное, слишком быстро исчерпывается. Для них близость утверждается, прежде всего, через половой контакт. Поскольку они ощущают отчужденность другого человека, прежде всего как физическую отчужденность, то физическое единство принимают за преодоление отчужденности.

Кроме того существуют другие факторы, которые для многих людей означают преодоление отчужденности. Говорить о собственной личной жизни, о собственных надеждах и тревогах, показать свою детскость и ребячливость, найти общие интересы – все это воспринимается как преодоление отчужденности. Даже обнаружить свой гнев, свою ненависть, неспособность сдерживаться – все это принимается за близость. Этим можно объяснить извращенность влечения друг к другу, которое в супружеских парах часто испытывают люди, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они находятся в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости.

Но во всех этих случаях близость имеет тенденцию с течением времени сходиться на нет. В результате – поиски близости с новым человеком, с новым чужим. Опять чужой превращается в близкого, опять напряженное и сильное переживание влюбленности. И опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием новой победы, новой любви – при иллюзии, что новая любовь будет отличаться от прежних.

Этим иллюзиям в значительной степени способствует обманчивый характер полового желания. Половое желание требует слияния, но физическое влечение основывается не только на желании избавления от болезненного напряжения. Половое желание может быть внушено не только любовью, но также и тревогой и одиночеством, жадой покорять и быть покоренным, тщеславием, потребностью причинять боль и даже унижать.

Оказывается, половое желание вызывается или легко сливается с любой другой сильной эмоцией, лишь одной из которых является любовь. Из-за того, что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что они любят друг друга, когда их физически влечет друг к другу.

Но если желание физического соединения вызвано не любовью, это никогда не поведет к единству, которое было бы чем-то большим, чем оргиастическое преходящее единение. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви это единство оставляет чужих такими же чужими друг другу, какими они были прежде. Иногда оно заставляет их стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что, когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде.

* * *

Современный человек отчужден от себя, от своих близких, от природы. Он превращен в товар, свои жизненные силы он воспринимает как инвестицию, которая должна приносить ему максимальную прибыль, возможную при существующих рыночных условиях.

Человеческие отношения, в сущности, являются отношениями отчужденных автоматов, каждый из которых основывает свою безопасность на том, чтобы держаться поближе к стаду и не отличаться от других в мысли, чувстве или действии. Хотя каждый старается быть как можно ближе к остальным, каждый остается крайне одиноким, проникнутым глубоким чувством небезопасности, тревоги и вины, которые всегда появляются там, где человеческое одиночество не может быть преодолено.

Наша цивилизация предлагает много паллиативов, помогающих людям не осознавать своего одиночества: во-первых, строгий шаблон бюрократизированного, механизированного труда, который помогает людям оставаться вне осознания своих самых основных человеческих желаний, стремления к трансценденции и единству. Поскольку один этот шаблон не справляется с задачей, человек пытается преодолеть неосознанное отчаяние при помощи шаблона развлечений, пассивного потребления звуков и зрелищ, предлагаемых развлекательной индустрией, а также удовлетворения от покупки новых вещей и скорой замены их другими.

Человеческое счастье сегодня состоит в том, чтобы развлекаться. Развлекаться это значит получать удовольствие от употребления и потребления товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, кинокартин – все потребляется, поглощается. Мир это один большой предмет нашего аппетита, большое яблоко, большая бутылка, большая грудь; мы – сосунки, вечно чего-то ждущие, вечно на что-то надеющиеся – и вечно разочарованные. Наш характер приспособлен к тому, чтобы обменивать и получать, торговать и потреблять; все предметы, как духовные, так и материальные, становятся предметом обмена и потребления.

Там, где дело касается любви, ситуация соответствует по необходимости социальному характеру современного человека. Автоматы не могут любить; они могут обменивать свои «личные пакеты» и надеяться на удачную сделку...

Одно из самых значительных выражений любви, и особенно брака с его отчужденной структурой, это идея «слаженности». В статьях о счастливом браке его идеал описывается как идеал исправно функционирующей слаженности. Это описание не слишком отличается

от идеи функционирующего служащего: он должен быть «разумно независим», готов к совместной работе, терпим и в то же время честолюбив и агрессивен.

Таким образом, как скажет нам брачный адвокат, муж должен «понимать» свою жену и помогать ей. Он должен делать благосклонные замечания по поводу ее нового платья и вкусного блюда. Она, в ответ, должна понимать его, когда он приходит домой усталый и расстроенный, должна внимательно его выслушивать, когда он говорит о своих деловых затруднениях, не сердиться, а понимать его, когда он забывает о ее дне рождения.

Весь набор этих видов отношений сводится к хорошо отлаженной связи двух людей, остающихся чужими друг другу на протяжении всей жизни, никогда не достигающих «глубинной связи», но любезных друг с другом и старающихся сделать друг для друга жизнь как можно приятнее.

При таком понимании любви и брака главный акцент делается на отыскании убежища от непереносимого в других случаях чувства одиночества. Создается союз двоих против мира, и этот эгоизм вдвоем ошибочно принимается за любовь и близость.

Что же касается причины множества несчастливых браков, то их (говорят нам) надо искать в том, что партнеры в браке не достигали «сексуального соответствия». Причину этой беды видят в незнании «правильного» сексуального поведения, то есть, в незнании сексуальной техники одним или обоими партнерами. Чтобы «излечить» эту беду и помочь неудачливым парам, которые не смогли любить друг друга, многие книги дают инструкции и советы относительно правильного сексуального поведения и обещают, скрыто или явно, что тогда наступит счастье и любовь.

Как тут не вспомнить Фрейда, который писал, что «человек, на опыте убедившись, что половая (генитальная) любовь приносит ему самое большое удовлетворение, так что, фактически, она для него становится прототипом счастья, вынужден вследствие этого искать свое счастье на пути сексуальных связей, поставить генитальную эротику в центр своей жизни».

Синдром влюбленности

(из книги Симоны де Бовуар «Второй пол», перевод с французского А. Сабашиникова, И. Малахова и Е. Орлова)

Взаимоотношения полов

...Разделение особей на самцов и самок является фактом ни из чего не выводимым и случайным. Большинство философий приняли это разделение как данность, не пытаясь объяснить его. Известен платоновский миф: вначале были мужчины, женщины и андрогины, у каждого индивида было два лица, четыре руки, четыре ноги и два сросшихся тела; однажды они были разбиты надвое, «как разбивают надвое яйцо», и с тех пор каждая половина стремится найти вторую, недостающую половину – впоследствии боги решили, что от совокупления двух несхожих половин будут появляться новые человеческие существа. Но эта история ставит своей задачей объяснить только любовь – разделение полов сразу принимается как данность.

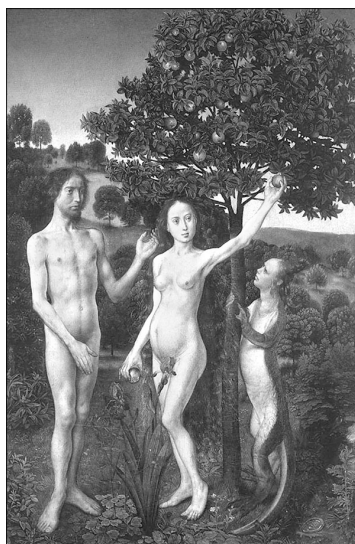
Не дает ему обоснования и Аристотель, ибо, если любое действие требует взаимодействия материи и формы, необязательно, чтобы активное и пассивное начала распределялись по двум категориям гетерогенных индивидов. И, таким образом, святой Фома Аквинский объявляет женщину существом «случайным» и тем самым утверждает – в мужской перспективе – случайный характер половой принадлежности.

Гегель в свою очередь изменил бы своему исступленному рационализму, если бы не попытался логически ее обосновать. Пол, согласно его учению, представляет собой опосредование, через которое субъект конкретно постигает себя как род. «Род в нем как напряжение, вызванное несоразмерностью его единичной действительности, становится стремлением достигнуть сочувствия в другом представителе того же рода, восполниться через соединение с ним и через это опосредствование сомкнуть род с собой, и дать ему существование – это есть процесс совокупления». И немного ниже: «Процесс состоит в том, что, будучи в себе единым родом, одной и той же субъективной жизненностью, они и полагают это единство как таковое». И затем Гегель заявляет, что для того, чтобы два пола могли сблизиться, предварительно необходима их дифференциация.

Но доказательство его неубедительно; слишком чувствуется здесь стремление во что бы то ни стало найти в любой операции три составляющие силлогизма. Выход особи за пределы своего «я» к виду, в результате которого особь и вид достигают подлинной реализации своей сущности, мог бы осуществиться и без третьего элемента, через непосредственное отношение родителя и ребенка – способ воспроизводства при этом может быть и неполowym. Или же отношение одного к другому может представлять собой отношение двух сходных особей, а различие тогда будет возникать за счет своеобразия особей одного типа, как это бывает у гермафродитов. Описание Гегеля раскрывает одно очень важное значение половой принадлежности – но, как всегда, его ошибка в том, что из значения он делает объяснение.

Мужчины определяют пол и взаимоотношения полов в ходе половой деятельности подобно тому, как они придают смысл и значение всем исполняемым ими функциям, но все это совершенно необязательно свойственно человеческой природе. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» отмечает, что человеческое существование, или экзистенция, вынуждает нас пересмотреть понятия необходимости и случайности. «Существование, – пишет он, – не имеет случайных атрибутов, в нем нет содержания, от которого зависела бы его форма, оно не допускает в себе чистого факта, так как само является движением, которое несет в себе эти факты».

Это верно. Но верно также и то, что существуют условия, без которых сам факт существования представляется невозможным. Присутствие в мире неминуемо подразумевает определенное положение тела, позволяющее ему быть одновременно частью этого мира и точкой зрения на него, но при этом не требуется, чтобы тело обладало тем или иным особенным строением. В работе «Бытие и ничто» Сартр спорит с утверждением Хайдеггера, что сам факт конечности обрекает реальность человеческого существования на смерть. Он утверждает, что можно представить себе существование конечное и не ограниченное временем. Тем не менее, если бы в жизни человеческой не коренилась смерть, отношение человека к миру и к себе самому было бы совершенно иным, и тогда определение «человек смертен» представляется вовсе не эмпирической истиной; будучи бессмертным, живущий уже не был бы тем, что мы именуем человеком. Одна из основных характеристик его судьбы заключается в том, что движение его временной жизни образует позади и впереди себя бесконечность прошлого и будущего, – и понятие увековечения вида сопрягается с индивидуальной ограниченностью.

Грехопадение. Художник Хуго ван дер Гус

Таким образом, явление воспроизводства можно рассматривать как онтологически обоснованное. Но на этом следует остановиться, увековечение вида не влечет за собой дифференциации полов. Если эта дифференциация принимается существующими людьми – таким образом, что оказывает обратное действие и входит в конкретное определение существования, – пусть так оно и будет. Тем не менее, сознание без тела, или бессмертный человек, – вещь абсолютно невообразимая, тогда как общество, размножающееся путем партеногенеза или состоящее из гермафродитов, можно себе представить.

Точка зрения психоанализа

Психоанализ ушел далеко вперед по сравнению с психофизиологией, показав, что ни один фактор не может воздействовать на психическую жизнь, не наполнившись предварительно личностным содержанием; конкретно существует не тело-объект, описанное учеными, а тело, в котором живет субъект. Женщина является самкой в той мере, насколько она себя таковой ощущает. Есть, конечно, существенные с точки зрения биологии данные, которые не имеют отношения к проживаемой ситуации – так, строение яйцеклетки с ней никак не связано. И наоборот, такой не имеющий большого биологического значения орган, как

клитор, здесь начинает играть первостепенную роль. Женщину определяет не природа – она сама определяет себя, принимая в расчет природу в меру своей чувствительности.

В этой перспективе была выстроена целая система. И здесь мы не собираемся анализировать ее в целом, наша задача – определить ее вклад в изучение женщины. Критический разбор психоанализа вообще – дело крайне нелегкое. Как во всякой религии, будь то христианство или марксизм, в психоанализе, при всей жесткости основных понятий, мешает расплывчатость и неопределенность. То слова берутся в самом узком смысле – например, термин «фаллос» в точности обозначает отросток плоти, каким является мужской половой орган; то смысл их неопределенно расширяется и приобретает символическое значение – и тогда фаллос должен означать всю совокупность мужского характера и ситуации. Если критиковать букву доктрины, то психоаналитик в ответ станет утверждать, что дух ее остался непонятным; если признаешь ее дух, то тебя тут же призовут следовать и ее букве. Доктрина, скажет он, значения не имеет, психоанализ – это метод; но успех метода подкреплен добросовестностью теоретика. Впрочем, где же и искать истинное лицо психоанализа, как не у самих психоаналитиков? Однако среди них, как и среди христиан или марксистов, существуют еретики; и не один психоаналитик заявлял, что «худшие враги психоанализа – это психоаналитики». Несмотря на схоластические усилия все прояснить, часто отдающие педантизмом, многие двусмысленности до сих пор остаются невыясненными.

Как заметили Сартр и Мерло-Понти, предложение «сексуальность сопротянна существованию» может пониматься в двух совершенно разных смыслах; можно под этим подразумевать, что все происходящее с существующим человеком имеет сексуальное значение или что любое сексуальное явление имеет экзистенциальный смысл. Между этими двумя утверждениями возможен компромисс, но обычно все ограничиваются тем, что смешивают одно с другим. Впрочем, стоит провести различие между «сексуальным» и «гени- тальным», как понятие «сексуальности» становится расплывчатым.

«Сексуальное у Фрейда означает внутреннюю способность высвобождения генитального», – говорит Дальбье. Но ничего нет туманнее идеи «способности», то есть возможного – одна лишь действительность дает неопровержимое доказательство возможности. Фрейд, не будучи философом, отказался дать философское обоснование своей системы; его ученики утверждают, что тем самым он уклоняется вообще от всякого метафизического подхода. Между тем, за каждым его утверждением стоит метафизический постулат: пользоваться его языком – значит принять определенную философию. Да этого требует уже само возникновение подобной путаницы, затрудняющей критический анализ.

* * *

Фрейда судьба женщины не слишком волновала. Ясно, что, описывая ее, он скопировал описание мужской судьбы, ограничившись изменением некоторых деталей. Еще до него сексолог Мараньон заявил: «Можно сказать, что, будучи дифференцированной энергией, либидо является силой мужского ощущения. То же самое мы скажем и об оргазме». По его мнению, женщины, достигающие оргазма, суть «мужеподобные» (viriloides) женщины; сексуальный порыв «односторонен», а женщина находится лишь на полпути. Фрейд до этого не доходит; он признает, что сексуальность у женщины развита так же, как и у мужчины; но он практически не занимается ее непосредственным изучением. Он пишет: «Либидо всегда – и закономерно по природе своей – есть мужская суть, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или у женщины». Он отказывается полагать женское либидо как нечто особенное – это либидо представляется ему как сложное ответвление человеческого либидо вообще. Последнее, считает он, вначале развивается одинаково у обоих полов: все дети про-

ходят оральную фазу, привязывающую их к материнской груди, потом – анальную фазу и, наконец, достигают фазы генитальной; в этот момент происходит их дифференциация.

Фрейд пролил свет на один факт, значение которого до него недооценивалось: мужской эротизм окончательно локализуется в пенисе, тогда как у женщины существуют две различные эротические системы: одна – клиторическая, развивающаяся на инфантильной стадии, другая – вагинальная, достигающая расцвета после наступления половой зрелости. Когда мальчик приходит к генитальной фазе, его развитие закончено; ему предстоит перейти от аутоэротизма, при котором удовольствие направлено на его собственную субъективность, к гетероэротизму, который свяжет удовольствие с объектом, обычно с женщиной. Переход этот совершится в момент полового созревания через нарциссическую фазу – но, как и в детстве, сохранится преимущество пениса как эротического органа. Женщине тоже придется через нарциссизм объективировать на мужчину свое либидо; но процесс этот будет намного сложнее, потому что от клиторического удовольствия ей надо будет перейти к удовольствию вагинальному. Для мужчины существует только один генитальный этап, тогда как у женщины их два, и она гораздо больше рискует не дойти до конца своей сексуальной эволюции, остаться на инфантильной стадии, что влечет за собой развитие неврозов.

Уже на аутоэротической стадии ребенок более или менее сильно тяготеет к объекту; мальчик привязывается к матери и хочет идентифицировать себя с отцом; стремление это вызывает у него страх, он боится, что в наказание отец может нанести ему увечье; из эдипова комплекса рождается комплекс кастрации. Под его воздействием развиваются агрессивные чувства по отношению к отцу, но одновременно происходит интериоризация его авторитета – так формируется «сверх-я», которое становится цензором инцестуальных тенденций. Тенденции эти вытесняются, комплекс ликвидируется, сын освобождается от отца, который на самом деле пребывает в нем в виде моральных установок. Чем более определенный характер имел эдипов комплекс, чем более категорично он преодолевался, тем сильнее «сверх-я».

Поначалу Фрейд совершенно аналогично описал историю девочки; потом женскую разновидность инфантильного комплекса он назвал комплексом Электры; но очевидно, что разновидность эта определяется не столько сама по себе, сколько исходя из мужского прообраза. Впрочем, он признает между ними одно очень важное различие: девочка вначале имеет привязанность к матери, тогда как мальчик никогда не испытывает сексуального влечения к отцу. Но в возрасте пяти лет она обнаруживает анатомическое различие между полами и реагирует на отсутствие пениса комплексом кастрации – она считает это увечьем и страдает от этого. Тогда ей приходится отказываться от своих «мужских» притязаний, она идентифицирует себя с матерью и пытается соблазнить отца. Комплекс кастрации и комплекс Электры взаимно друг друга усиливают; чувство фрустрации становится для девочки тем сильнее, чем больше, любя отца, она хочет ему уподобиться; и наоборот, сожаление усиливает любовь – через нежность она внушает отцу, что может компенсировать свою неполноценность.

По отношению к матери девочка испытывает чувство соперничества и враждебности. Потом у нее тоже формируется «сверх-я» и инцестуозные тенденции вытесняются; но у нее «сверх-я» слабее: комплекс Электры выражен не столь отчетливо, как эдипов комплекс, так как первой возникла привязанность к матери; а поскольку отец сам был объектом этой осуждаемой им любви, запреты здесь имеют меньше силы, чем в случае с сыном-соперником. Мы видим, что в целом сексуальная драма, переживаемая девочкой при генитальном развитии, гораздо сложнее, чем у ее братьев: она может поддаться комплексу кастрации, если откажется от своей женственности и станет упорно желать обладать пенисом и идентифицировать себя в отношениях с отцом. В результате она останется на клиторической стадии, станет фригидной или обратится к однополрой любви.

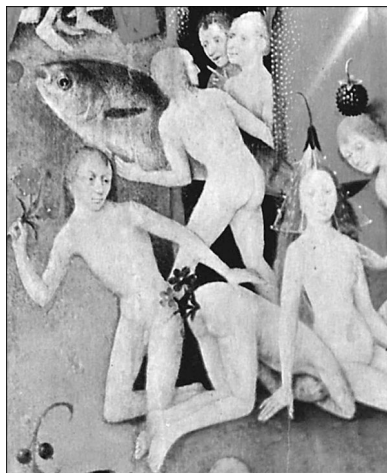
* * *

Два основных упрека, которые можно высказать в адрес этого описания, вызваны тем, что Фрейд скопировал его с мужского образца. Он предполагает, что женщина чувствует себя увечным мужчиной, но сама идея увечья уже включает в себя сравнение и оценку. Многие психоаналитики сегодня признают, что девочка сожалеет о пенисе, но при этом все же не предполагает, что ее лишили этого органа. К тому же это сожаление не столь универсально и не может быть порождено простым анатомическим сопоставлением. Множество девочек знакомятся с мужской конституцией лишь значительно позже, да и знакомятся лишь чисто зрительно. Мальчик знает свой пенис на живом опыте, что дает ему некоторое право им гордиться, но это не означает, что подобной гордости прямо соответствует униженность его сестер, ибо последним знаком лишь внешний вид мужского органа – этот отросток, этот хрупкий, длинный кусок плоти может быть им безразличен или даже внушать отвращение. Когда же у девочки появляется жажда обладания им, это бывает результатом предварительной оценки мужественности. Фрейд принимает эту жажду за нечто признанное, тогда как она требует обоснования. С другой стороны, без оригинального описания женского либидо понятие комплекса Электры остается очень расплывчатым. Уже у мальчиков наличие эдипова комплекса чисто генитального порядка – явление далеко не универсальное; но, за очень редким исключением, мы никак не можем признать, что отец является для дочери источником генитального возбуждения. Одна из серьезных проблем женского эротизма – это изоляция клиторического удовольствия: лишь только ко времени полового созревания, в связи с вагинальным эротизмом, развивается в женском теле определенное количество эrogenных зон.

Утверждение, будто у десятилетней девочки поцелуи и ласки отца обладают «внутренней способностью» высвобождать клиторическое удовольствие, в большинстве случаев не имеет никакого смысла. Если признать, что аффективный характер комплекса Электры весьма расплывчат, то встанет вопрос об аффективности вообще, и тогда становится очевидным, что фрейдизм не располагает методом, чтобы различить, чем аффективность отличается от сексуальности. Во всяком случае, обожествление отца происходит не от женского либидо – ведь влечение, которое мать вызывает у сына, не ведет к ее обожествлению; тот факт, что женское влечение направлено на высшее существо, придает этому влечению оригинальный характер; но девочка не конституирует свой объект – она его претерпевает. Верховенство отца – факт социального порядка, и Фрейду не дано было осознать это. Он сам признается, что выяснить, каким авторитетом в некий момент истории была предопределена победа отца над матерью, невозможно: по его мнению, такое решение было прогрессивным, но причины его неизвестны. «Здесь не может быть речи об отцовском авторитете, поскольку сам этот авторитет достался отцу в результате прогресса», – пишет он в своей последней работе.

Поняв недостаточность системы, выводившей все развитие человеческой жизни из одной только сексуальности, Адлер отмежевался от Фрейда – он задался целью вернуть систему к целостной личности. Если Фрейд объясняет любые поступки человека его влечениями, то есть поиском удовольствия, то Адлер представляет человека преследующим определенные цели; на смену побуждению приходят мотивы, целеполагание, планы. Он отводит такое большое место интеллекту, что зачастую сексуальное у него приобретает лишь чисто символическое значение. Согласно его теориям, человеческая драма распадается на три момента: у каждого индивида есть стремление к могуществу, но сопровождается оно комплексом неполноценности; в результате этого конфликта человек прибегает к тысяче уловок, с тем, чтобы избежать действительности, потому что боится, что не сумеет ее пре-

одолеть; субъект устанавливает дистанцию между собой и обществом, вызывающим у него страх, – отсюда проистекают неврозы, вызванные социальными причинами.

Сад земных наслаждений. Центральная часть триптиха. Художник Иероним Босх

Что касается женщины, комплекс неполноценности приобретает у нее форму стыдливого отказа от своей женственности – комплекс вызывается не отсутствием пениса, а всей ситуацией в целом; девочка завидует фаллосу только как символу предоставленных мальчикам привилегий; место, которое в семье занимает отец, повсюду встречаемое преимущество мужского пола, воспитание – все убеждает ее в идее мужского превосходства. Позже, во время сексуальных сношений, само положение тел при коитусе, когда женщине отводится место под мужчиной, становится для нее новым унижением. Ее реакцией бывает «мужской протест»; она либо пытается уподобиться мужчине, либо начинает с ним борьбу женским оружием. Через материнство она может обрести в ребенке эквивалент пениса. Но это предполагает, что прежде она полностью примет себя как женщину, то есть смирится со своей неполноценностью. Она переживает гораздо более глубокий внутренний разлад, чем мужчина.

* * *

Не стоит труда долго распространяться о теоретических расхождениях Фрейда и Адлера и о возможностях их примирения; ни объяснение через побуждение, ни объяснение через мотивацию никогда не будут достаточными. Любое побуждение полагает мотивацию, но мотивацию можно осмыслить только через побуждение; таким образом, синтез фрейдизма и адлеризма представляется вполне осуществимым. В действительности, даже вводя понятия цели и целеполагания, Адлер полностью сохраняет идею психической причинности. Его отношение к Фрейду примерно то же, что отношение энергетизма к механицизму: идет ли речь о толчке или силе притяжения, физик всегда признает детерминизм. В этом и общий постулат всех психоаналитиков: по их мнению, человеческую историю можно объяснить с помощью набора определенных элементов. И все видят женскую судьбу одинаково. Ее драма сводится к конфликту между «мужеподобными» и «женскими» тенденциями. Первые реализуются в клиторической системе, вторые – в вагинальном эротизме. В детстве она идентифицирует себя с отцом; потом испытывает чувство неполноценности по сравнению с мужчиной, и тогда перед ней возникает альтернатива: или способствовать поддержанию своей автономии и уподобиться мужчине, что на фоне комплекса неполноценности вызывает напряжение, которое может привести к неврозам, или счастливо реализовать себя в

любовном подчинении – причем последнее решение облегчается некогда испытанной любовью к отцу-повелителю; именно его ищет она в любовнике или муже, и сексуальная любовь сопровождается у нее желанием чувствовать над собой чье-то господство. Она бывает вознаграждена материнством, которое дает ей возможность обрести автономию нового типа. Драма эта представляется обладающей собственным динамизмом; она развивается вопреки всем искажающим ее превратностям, и каждая женщина пассивно ее переживает.

Психоаналитики имеют прекрасные возможности, чтобы отыскать эмпирические подтверждения своим теориям: ведь известно, что, достаточно тонко усложняя систему Птолемея, люди могли долго оставаться в полной уверенности, что она совершенно точно отвечает истинному расположению планет; точно так же, если на место Эдипа поставить инвертированного Эдипа и в любой тревоге обнаруживать влечение, можно с успехом использовать для подтверждения фрейдизма даже те факты, что ему противоречат. Уловить форму можно только при наличии определенного фона, и от того, как постигается форма, зависят очертания, которые приобретает под ней этот фон. Так, если задаться целью описать какую-нибудь частную историю во фрейдистской логике, то за ней выявится и фрейдистская схема. Только когда доктрина неопределенно и произвольно требует нагромождения побочных объяснений, когда наблюдения обнаруживают столько же аномалий, сколько и нормальных случаев, лучше покинуть пределы установленных рамок.

Вот почему сегодня каждый психоаналитик всеми силами по-своему пытается придать гибкость фрейдистским идеям, устранить в них противоречия. Один современный психоаналитик пишет, например: «В тот момент, когда существует комплекс, существует, по определению, и множество его составляющих... Комплекс заключается в группировке этих разрозненных элементов, а не в представлении одного из них через остальные!» Но идея простой группировки элементов неприемлема: физическая жизнь – это не мозаика; она целиком содержится в каждом из своих отдельных моментов, и с этим единством следует считаться, что возможно лишь тогда, когда через разрозненные факты обнаруживается изначальная направленность существования. Если не добраться до этого истока, то человек будет выглядеть лишь полем боя между своими импульсами и наложенными на них запретами, одинаково лишенными смысла и случайными. Всех психоаналитиков объединяет систематический отказ от идеи выбора и сопряженного с ней понятия ценности; это и составляет внутреннюю слабость их системы. Оторвав импульсы и запреты от экзистенциального выбора, Фрейд оказывается не в состоянии объяснить нам их происхождение – он принимает их как данные. Понятие ценности он попытался заменить понятием авторитета; однако в работе «Моисей и его народ» он сам признает, что обосновать этот авторитет никак нельзя. Инцест, например, запрещен, потому что его запретил отец; но откуда взялась сама идея запрета – тайна. «Сверх-я» интериоризирует порядки и запреты, исходящие от произвольной тирании; здесь налицо инстинктивные тенденции, а почему – неизвестно; было установлено, что мораль не имеет отношения к сексуальности, поэтому каждая из двух реальностей существует сама по себе; единство человека как будто расколото, между личностью и обществом нет перехода: чтобы соединить их, Фрейду приходится сочинять странные истории, Адлер обратил внимание на то, что комплекс кастрации необъясним вне социального контекста. Коснулся он и проблемы образования ценностей, но не добрался до онтологических ценностей, признанных обществом, не понял, что ценности задействованы и в самой сексуальности, а соответственно и недооценил их значение.

* * *

Разумеется, сексуальность играет в человеческой жизни значительную роль – можно сказать, вся жизнь в целом проникнута ею. Человек существующий – это тело определен-

ного пола; и в отношениях с другими людьми, которые тоже являются телами определенного пола, обязательно будет присутствовать пол (сексуальность). Но если тело и сексуальность суть конкретные выражения существования, то и значения их можно выявить через него же – вне этой перспективы психоанализ принимает как данные необъясненные факты.

Например, нам говорят, что девочка испытывает стыд, оттого что приседает и обнажает ягодичы, когда мочится, – но что такое стыд? Аналогично, прежде чем задаваться вопросом, гордится ли мужчина тем, что у него есть пенис, или в пенисе выражается его гордость, следует выяснить, что такое гордость и как притязания субъекта могут воплощаться в объекте. Не нужно принимать сексуальность за непреложную данность, за основу бытия, у человека есть и более оригинальный «поиск бытия», а сексуальность – лишь один из его аспектов. Именно это показывает Сартр в книге «Бытие и ничто»; это же говорит и Башлар в своих работах о Земле, Воздухе и Воде: психоаналитики считают первейшей истиной человека его отношения с собственным телом и с телами ему подобных в пределах общества; однако человек несет в себе исконный интерес к сущности окружающего его природного мира и пытается обнаружить ее в работе, в игре, во всех экспериментах «динамического воображения»; человек стремится добраться конкретно до постижения основ своего существования через весь мир в целом, постигая его всеми возможными способами.

Месить глину или рыть яму – это занятия столь же изначальные, как объятия или коитус, и заблуждается тот, кто видит в них только сексуальные символы. Яма, липкость, впадина, твердость, цельность – это исконные реалии; интерес человека к ним продиктован не либидо – скорее, само либидо будет окрашено соответственно тому, как человек их для себя открывал. Цельность нравится человеку не потому, что символизирует девственность, – он ценит девственность потому, что любит цельность. В работе, войне, игре, искусстве определяются способы существования в мире, которые нельзя свести ни к каким другим; они обнаруживают качества, которые пересекаются с теми, что несет в себе сексуальность. Индивид выбирает себя как посредством этих качеств, так и посредством эротического опыта. Но восстановить единство этого выбора позволяет лишь онтологическая точка зрения.

Это понятие выбора психоаналитик отвергает особенно яростно во имя детерминизма и «коллективного бессознательного», будто бы это бессознательное поставляет человеку готовые образы и универсальную символику; и оно же якобы объясняет аналогии между снами, несостоявшимися актами, маниями, аллегориями и человеческими судьбами; говорить о свободе – значит отказаться от возможности объяснить все эти волнующие соответствия. Но нельзя сказать, что идея свободы несовместима с существованием некоторых постоянных факторов. И психоаналитический метод часто может оказаться плодотворным, несмотря на ошибки теории, благодаря тому, что в каждой частной истории есть данные, всеобщий характер которых никто и не думает отрицать. Ситуации и поведение повторяются; момент решения возникает в недрах всеобщности и повторяемости.

«Анатомия – это судьба», – говорил Фрейд; с этим высказыванием перекликаются слова Мерло-Понти: «Тело – это всеобщность». Существование единично, ибо живущие разделены: оно проявляется в аналогичных организмах; значит, связь онтологического и сексуального должна иметь какие-то постоянные параметры. В определенную эпоху технические средства, экономическая и социальная структура некоего коллектива открывают всем своим членам один и тот же мир – так возникает постоянное отношение между сексуальностью и социальными формами; аналогичные индивиды, поставленные в аналогичные условия, уловят в данности аналогичные значения. Эта теория не ведет к непреложной универсальности, но позволяет находить в индивидуальных историях всеобщие типы. Символ не представляется нам аллегорией, разработанной таинственным бессознательным, – это постижение определенного значения при посредстве аналога означающего объекта. Из-за того, что экзистенциальная ситуация всех людей идентична и идентична «фактичность», с которой

им приходится сталкиваться, для некоторого числа живущих значения открываются одинаковым образом. Символика не упала с неба и не вышла из земных недр – она была выработана, как и язык, человеческой действительностью, которая одновременно является *mitsein* и разделением. Именно это обстоятельство объясняет, почему в символике находится место и для индивидуального вымысла – на практике психоаналитический метод вынужден это признать, даже если это противоречит его доктрине.

* * *

Данная перспектива позволяет нам, например, понять ценность, обычно признаваемую за пенисом. Эту ценность невозможно обосновать, если не исходить из одного экзистенциального факта: тенденции субъекта к отчуждению. Испытывая тревогу за свою свободу, субъект принимается искать себя в вещах, что есть один из способов бегства от себя. Тенденция эта настолько фундаментальна, что сразу же после отнятия от груди, когда ребенок отделяется от всего, он старается в зеркалах, в родительском взгляде уловить свое отчужденное существование.

В примитивном обществе люди отчуждаются в мане, в тотеме; цивилизованные люди – в своей индивидуальной душе, своем «я», своем имени, собственности, работе – это первое искушение неподлинного бытия. Пенис как нельзя больше пригоден, чтобы играть для маленького мальчика роль «двойника», – он для него одновременно посторонний предмет и он сам; это игрушка, кукла – и его собственная плоть; родители и няньки обращаются с ним, как с маленьким человечком. Тогда понятно, что для ребенка он становится *alter ego*, которое обычно хитрее и умнее самого индивида. Поскольку функция мочеиспускания, а позже эрекция занимают промежуточное положение между сознательными и самопроизвольными процессами, поскольку пенис представляет собой капризный и почти посторонний источник субъективно ощущаемого удовольствия, субъект полагает его как самого себя и нечто отличное от самого себя. В нем ощутимо воплощается специфическая трансцендентность, и он становится источником гордости; так как фаллос существует отдельно, человек может сделать частью своей индивидуальности превосходящую его жизнь. Тогда понятно, что длина пениса, сила напора при мочеиспускании, эрекции и эякуляции становятся для него мерой собственной ценности.

Скульптура «Фаллос». Амстердам

Таким образом, не вызывает сомнения, что фаллос является телесным воплощением трансцендентности, а поскольку не вызывает сомнения и то, что ребенок чувствует себя трансцендируемым, то есть насильно лишенным трансцендентности отцом, мы приходим к фрейдистской идее комплекса кастрации. Лишенная такого *alter ego* девочка не отчуждается

ни в каком материальном предмете, не восполняет себя – ей приходится сделать объектом всю себя: она полагает себя как Другого. Вопрос о том, сравнивала она себя с мальчиками или нет, второстепенен; главное, что отсутствие пениса, даже не осознаваемое ею, не позволяет ощутить себя представительницей пола; из этого вытекает множество следствий. Но приведенные нами постоянные факторы все же не определяют судьбу человека; фаллос приобретает такую ценность, потому что символизирует господство в других областях. Если бы женщине удалось утвердиться как субъекту, она изобрела бы эквиваленты фаллоса: кукла, воплощающая будущего ребенка, может стать еще более ценным объектом обладания, чем пенис. Существуют общества с материнской филиацией, где у женщин есть маски, в которых отчуждается коллектив; в таком случае слава пениса во многом меркнет. Анатомическая привилегия становится основой для подлинной человеческой привилегии лишь при учете ситуации, взятой во всей ее целостности. Психопроанализ смог бы добраться до истины только в историческом контексте.

Точно так же, как недостаточно сказать, что женщина – это самка, нельзя дать ей определение исходя из того, как она осознает свою женственность: она осознает ее в недрах общества, членом которого является. Интериоризируя бессознательное и всю психическую жизнь, сам язык психопроанализа подводит к тому, что драма индивида происходит в нем самом – эта мысль присутствует в таких словах, как «комплекс», «тенденции» и т. д. Но жизнь – это отношение с миром; индивид самоопределяется, выбирая себя через мир; и чтобы ответить на интересующие нас вопросы, придется обратиться к миру. В частности, психопроанализу не удастся объяснить, почему женщина – это Другой. Ибо сам Фрейд признает, что престиж пениса объясняется господствующим положением отца, но что ему ничего не известно о происхождении мужского главенства.

* * *

Не отбрасывая огульно всех достижений психопроанализа, многие из которых весьма плодотворны, мы все же вынуждены отказаться от этого метода. Прежде всего, мы не будем ограничиваться тем, чтобы рассматривать сексуальность как данность, – упрощенность такого подхода наглядно демонстрируют описания, касающиеся женского либидо; я уже говорила, что психопроаналитики никогда не изучали его непосредственно, но лишь исходя из мужского либидо; похоже, они пребывают в полном неведении относительно амбивалентности влечения, которое мужчина вызывает у женщины.

Фрейдисты и адлерянцы объясняют тревогу, испытываемую женщиной перед мужским членом, как инверсию фрустрированного влечения. Штекель смог разглядеть, что здесь речь идет о первичной реакции, но дал ей поверхностное обоснование: якобы женщина боится дефлорации, проникновения, беременности, боли, и это-де тормозит ее влечение. Объяснение это слишком рационально. Вместо того, чтобы утверждать, что влечение оборачивается тревогой и борется со страхом, следовало бы признать как первичную данность тот одновременно настойчивый и испуганный зов, каким является женское либидо; его характеризует неделимый синтез притяжения и отталкивания. Примечательно, что многие самки животных бегут от совокупления, которого сами же настойчиво домогаются. Их обвиняют в кокетстве и лицемерии, но пытаться объяснять примитивное поведение, проводя параллель с более сложными формами, – чистейший абсурд; это примитивное поведение как раз и является источником того, что у женщины именуется кокетством и лицемерием. Идея «пассивного либидо» приводит в замешательство, так как, ориентируясь на мужской пол, либидо определили как импульс, энергию; но точно так же невозможно априорно представить себе, что свет может быть одновременно желтым и синим, – для этого нужно на опыте познать зеленый цвет. Действительность приобрела бы куда более четкие очертания, если бы вме-

сто туманных определений либидо вроде «энергии» были бы сопоставлены значения сексуальности и других человеческих проявлений, выраженных в понятиях «брать», «хватать», «есть», «делать», «терпеть» и др. Ибо сексуальность – это один из способов постижения объекта. Следовало бы также изучить свойства эротического объекта, каким он представляется не только в половом акте, но и в восприятии вообще. Такое исследование выходит за рамки психоанализа, для которого эротизм – понятие непреложное.

С другой стороны, мы совершенно иначе поставим проблему женской судьбы: мы расположим женщину в мире ценностей и рассмотрим ее поведение в масштабах свободы. Мы считаем, что ей предоставлен выбор между утверждением своей трансцендентности и отчуждением в объекте; она не является игрушкой противоречивых импульсов. Она принимает решения, между которыми существует этическая иерархия. Подменяя ценность авторитетом, выбор – импульсом, психоанализ предлагает эрзац морали – идею нормальности. Идея эта, конечно, очень полезна в медицине. Однако настораживает, какое широкое толкование получила она в психоанализе. Описательная схема предлагается в качестве закона; и, разумеется, механистическая психология не может принять понятия полагания морали; в крайнем случае, она может обосновать «менее», но никогда «более»; в крайнем случае, она признает неудачи, но никогда – созидание. Если субъект не идет по пути, признанному нормальным, считается, что он в своей эволюции остановился на полпути, и остановка эта интерпретируется как недостаток, как нечто негативное, а не как позитивное решение. Из-за этого, в частности, так нелепо выглядит психоанализ великих людей; нам твердят о трансфере, сублимации, которых им не довелось испытать; и никто не предполагает, что они сами, быть может, от них отказались и имели на то весьма веские причины; никто не хочет брать в расчет, что их поведение было мотивировано свободно полагаемыми целями; индивид все время объясняют через его связь с прошлым, а не исходя из будущего, в которое он себя проектирует. Поэтому нам никогда не дают его подлинного образа, а к подлинности едва ли применяют другой критерий, кроме нормальности.

С этой точки зрения описание женской судьбы просто поразительно. В том смысле, который предполагают психоаналитики, «идентифицировать» себя с матерью или отцом – значит отчуждаться в некоем образце, предпочитать спонтанному движению собственного существования посторонний образ, то есть играть в бытие. Нам показывают женщину, разрывающуюся между двумя способами отчуждения; очевидно, что играть в то, чтобы быть мужчиной, заведомо означает идти на провал; но и играть в то, чтобы быть женщиной, тоже значит попасться на крючок; быть женщиной – это быть объектом, Другим; Другой остается субъектом в пределах своего отречения от навязываемой роли. Настоящая проблема для женщины – это, отказавшись от предлагаемых уловок, осуществить себя в своей трансцендентности; речь идет о том, чтобы осознать, какие возможности предоставляет ей так называемое мужское и женское поведение.

Когда ребенок идет по пути, указанному одним из родителей, это может быть свободным перениманием их проектов – его поведение может быть обусловлено выбором, мотивированным определенными целями. Даже у Адлера воля к власти представляет собой некую разновидность абсурдной энергии; любой проект, в котором воплощается трансцендентность женщины, он называет «протестом мужского типа»; если девочка лазает по деревьям, то это, по его мнению, для того, чтобы сравняться с мальчиками, – ему даже в голову не приходит, что лазать по деревьям ей просто нравится. Для матери ребенок – это не «эквивалент пениса», а нечто совсем иное. Создание картин и книг, занятие политикой – это не только «хорошие способы сублимации», но и реализация сознательно поставленных целей. Отрицать это – значит исказить всю человеческую историю.

Отвращение от секса

Безусловно, «анатомическая судьба» мужчины и женщины глубоко различна. Не менее различны их нравственные установки и общественная «ситуация». С первобытных времен до наших дней бытует мнение о том, что постель для женщины – это «служба», за которую мужчина выражает благодарность, преподнося подарки или обеспечивая ее жизнь. Но служить – значит отдаваться хозяину; в таких отношениях нет и намека на взаимность. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь вспомнить об отношениях супругов или о существовании проституции: женщина отдается, мужчина берет ее и вознаграждает. Ничто не мешает мужчине завоевать и овладеть женщиной, стоящей ниже его на общественной лестнице, общество всегда терпимо относилось к любовной связи между хозяином и служанкой, однако состоятельная женщина, отдающаяся шоферу или садовнику, вызывает осуждение.

Рассказывая о том, что он переспал с женщиной, мужчина говорит, что он ее «взял» или что он ею «обладал», иногда, говоря об обладании женщиной в грубых выражениях, мужчина заявляет, что он ее «трахнул». Таким образом, для любовника половой акт – это завоевание и победа. Эрекция, когда она происходит у собрата, кажется мужчине похожей на смешную пародию на намеренный половой акт, однако, когда то же самое происходит с ним самим, он извлекает из этого даже некоторое тщеславие. Говоря на эротические темы, мужчины используют военные термины; любовнику свойственна стремительность солдата, его половой член выгибается как лук, эякуляция – это залп, можно подумать, что речь идет о пулемете или пушке; они говорят об атаках, осадах, победах. Для мужчины совокупление – это что-то вроде героического поступка.

«Половой акт, который заключается в оккупации одного существа другим, – пишет Бенда в «Докладе Уриэля», – наводит на мысль о захватчике и захваченной вещи. Поэтому, когда люди обсуждают даже самые цивилизованные любовные отношения, они употребляют такие слова, как победа, атака, приступ, осада, защита, поражение, капитуляция, то есть совершенно явно проводят параллель между любовью и войной. Этот акт приводит к осквернению одного существа другим и внушает осквернителю определенную гордость, оскверненный же, даже если все произошло с его согласия, испытывает унижение».

В этой последней фразе содержится намек на еще один миф, а именно: мужчина пачкает женщину. В действительности, сперма – это не экскремент, и выражение «ночная поллюция» употребляется лишь потому, что в этом случае извержение семени не достигает своей естественной цели. Ведь никто не считает кофе грязью и не говорит, что он засоряет желудок, на том основании, что от него на светлом платье может остаться пятно. Некоторые мужчины считают, что нечистой является женщина, она своими влажными половыми органами пачкает мужчину. Как бы то ни было, превосходство того, кто пачкает другого, довольно зыбко. На деле сильная позиция мужчины основана на том, что его биологически агрессивная роль сочетается с социальной функцией главы, хозяина, эта последняя функция и придает такую большую значимость физиологическим различиям. Будучи повелителем мира, мужчина, как на знак своей власти, претендует на право бурно проявлять свои желания; о мужчине, обладающем большими эротическими возможностями, говорят, что он сильный, мощный – это определения, характеризующие его активность и трансценденцию. И напротив, поскольку женщина является лишь объектом, о ней говорят, что она горячая или холодная, иначе говоря, предполагается, что она способна обнаружить только пассивные качества...

Мужчина же отвергает пассивную роль. Впрочем, часто в силу обстоятельств девушка становится добычей мужчины, ласки которого волнуют ее, но на которого ей не хочется смотреть и которого не хочется ласкать. Нужно также подчеркнуть, что отвращение, которое примешивается к желанию женщины, объясняется не только ее страхом перед мужской агрессивностью, но и чувством глубокой ущемленности: ей приходится достигать насла-

ждения в борьбе с произвольными порывами своей чувственности, тогда как у мужчины зрительное и осязательное удовольствие сливается с собственно сексуальным.

В самой пассивной эротике немало двусмысленного. Нет, например, ничего более неоднозначного, чем прикосновение. Многие мужчины могут без всякого отвращения вернуть в руках любой предмет, но не терпят прикосновения травы или животного, от прикосновения к шелку, бархату одни женщины замирают от удовольствия, другие вздрагивают; помню, как одна моя подруга молодости покрывалась гусиной кожей только при виде персиков; переход от смятения к щекотке, от раздражения к удовольствию происходит очень легко; руки, обхватывающие тело, могут оберегать и защищать его, но могут и сжимать, душить. Такое двойственное восприятие характерно для девственницы из-за ее парадоксального положения; тот орган, где должно завершиться ее превращение в женщину, закрыт девственной плевой. Смутный и жгучий призыв растекается по всему ее телу, но не проникает именно в то место, где должен произойти половой акт. У девственницы нет никакого органа, благодаря которому она могла бы удовлетворить активное эротическое желание; у нее также нет жизненного опыта мужчины, который обрекает ее на пассивность.

Женский оргазм. Художник Владислав Подковинский

Стать пассивным объектом – это совсем не то же самое, что быть им; влюбленная женщина не спит, она не мертва, в ней пульсирует, то усиливаясь, то ослабляясь, эротическое чувство; в момент его ослабления каким-то колдовским образом возникает желание. Но равновесие между приливом страсти и ее отливом легко может быть нарушено. Желание мужчины выражается в напряжении; натянутые нервы и напряженные мускулы не могут быть ему помехой; позы и жесты, сознательные действия не уменьшают его желания, часто, напротив, увеличивают его. Что касается женщины, то каждое ее сознательное усилие мешает ей «погрузиться» в желание; именно поэтому женщина произвольно отвергает те формы полового акта, которые требуют от нее физических усилий и напряжения; слишком резкие и многочисленные изменения поз, требование сознательных действий – жестов или слов – разрушают колдовство. Сильное, раскрепощенное сексуальное желание может вызвать подергивание, сокращение и напряжение мускулов; в этот момент некоторые женщины царапаются, кусаются, их тело выгибается с необычайной силой; но все эти явления происходят лишь тогда, когда желание достигает пароксизма, а для этого в качестве предварительного условия необходимо отсутствие какого-либо принуждения, как физического, так и морального. Только в этом случае вся жизненная энергия женщины может сконцентрироваться на сексуальном желании. Все это означает, что девушке недостаточно позволять

делать с собой все «что угодно; ее послушание, томность и бездействие не могут принести удовлетворения ни ее партнеру, ни ей самой...

* * *

Роль мужчины как сексуального воспитателя женщины определяется как его физиологическими особенностями, так и нравами, царящими в обществе. Конечно, для юноши-девственника такой воспитательницей является его первая любовница; но он обладает эротической автономностью, которая недвусмысленно проявляется в эрекции; в любовнице он находит лишь тот реальный объект, обладать которым он страстно желает, он находит женское тело. Девушке же для того, чтобы познать собственное тело, необходим мужчина, она полностью зависит от него. Уже в своем первом опыте мужчина обычно проявляет активность и решительность, независимо от того, платит ли он своей партнерше или в течение того или иного срока ухаживает за ней и добивается ее благосклонности. И, наоборот, в большинстве случаев за девушкой ухаживают, ее благосклонности добиваются; даже если она сама сознательно привлекает внимание мужчины, он тут же берет в свои руки инициативу в развитии их отношений. Часто он бывает старше и опытнее.

Считается, что за эту новую для нее страницу жизни ответственность несет мужчина, поскольку его желание более агрессивно и властно. Именно мужчина, будь он любовником или мужем, ведет ее на ложе, ей же остается лишь отдаться на его волю и повиноваться. Даже если мысленно она признает его власть, в тот момент, когда ей приходится подчиниться, ее охватывает паника. И, прежде всего, она боится мужского взгляда, который ее парализует. Стыдливость девушки отчасти внушена ей, но у нее есть также глубокие корни, уходящие в сущность человеческой природы; и мужчинам и женщинам знаком стыд за свою плоть, в своем чисто статичном виде, в своей неоправданной имманентности плоть существует под взглядом другого человека как абсурдная случайность предметного мира, и в то же время она является самой собой, и ей хотят помешать существовать для другого, хотят ее отрицания.

Некоторые мужчины говорят, что могут показаться женщине в обнаженном виде только в состоянии эрекции. Действительно, мужская плоть в состоянии эрекции становится сильной, мощной, половой член перестает быть инертным предметом, но, как рука или лицо, становится властным выражением субъективности. Это одна из причин, по которой стыдливость не оказывает на молодых людей такого же парализующего действия, как на женщин; агрессивная роль как бы оберегает их от взгляда партнерши; и даже если на них глядят, они могут не опасаться, что о них вынесут недоброжелательное суждение, поскольку любовницы требуют от них, прежде всего, не пассивных качеств. Поэтому у мужчин комплекс неполноценности касается скорее сексуальной силы и умения доставить женщине удовольствие; во всяком случае, у них есть возможность защищаться, пытаться добиться успеха. Женщине же не дано превращать свою плоть в волю; как только она перестает прятать свою плоть, она становится совершенно беззащитной; даже если она стремится к ласкам, ее возмущает мысль о том, что на нее смотрят, к ней прикасаются; тем более что самыми эrogenными частями тела являются грудь и ягодицы. Многим взрослым женщинам неприятно, когда на них, даже одетых, смотрят со спины; можно себе представить, какое внутреннее сопротивление должна преодолеть наивная влюбленная девушка для того, чтобы согласиться показаться обнаженной. Конечно, какая-нибудь Фриния не боится взглядов, она величественна в своей наготы, красота служит ей покрывалом. Но девушка, даже если она так же прекрасна, как Фриния, еще не уверена в этом; она не может высокомерно гордиться своим телом до тех пор, пока восхищение мужчины не подтвердит ее девичьего тщеславия. Но и оно пугает девушку; ведь любовник еще опаснее, чем просто любующийся ею мужчина, любовник – это судья, он заставит ее увидеть себя в истинном свете.

Любая девушка, даже страстно влюбленная в свой образ, трепещет в ожидании мужского приговора. Вот почему она требует полумрака, прячется в простыни. Когда она любовалась собой в зеркале, она лишь грезилась, причем грезилась о себе как бы глазами мужчины. Теперь эти глаза перед ней, и она должна выдержать их взгляд наяву, их невозможно обмануть, с ними невозможно бороться: в этих глазах неведомая ей свобода Другого, который принимает решение, решение безапелляционное. В реальном эротическом испытании ее детские и девичьи наваждения либо рассеются, либо навсегда закрепятся; многие девушки страдают от того, что у них слишком толстые ноги, слишком плоская или, наоборот, слишком тяжелая грудь, слишком узкие бедра, стыдятся какой-нибудь бородавки или опасаются какого-нибудь скрытого физического недостатка.

«В любой девушке живут разнообразные смехотворные страхи, в которых она и себе-то едва смеет признаться, – пишет Штекель. – Трудно поверить, что множество девушек страдают от навязчивых идей, полагая, что в их физическом строении что-то ненормально, или мучаются втайне, поскольку не уверены в том, что они физически нормальны. Так, одна девушка полагала, что ее «нижнее отверстие» находится не на месте. Она думала, что совокупление происходит через пупок, и терзалась оттого, что у нее в пупке отверстия не было, и палец туда не входил. Другая девушка считала себя гермафродитом. Еще одной казалось, что она изуродована и никогда не сможет жить половой жизнью».

Даже если девушки не страдают от наваждений, их пугает тот факт, что некоторые части их тела, которые раньше не существовали ни для них самих, ни для кого-либо иного, скоро будут в центре внимания. Какие чувства будет вызывать ее облик, еще незнакомый ей самой, но который ей придется осознать как свой собственный? Отвращение? Равнодушие? Иронию? Ей не остается ничего, кроме ожидания мужского приговора: ставки сделаны! Именно поэтому поведение мужчины имеет такое большое значение. Его пыл и нежность могут внушить женщине такую уверенность в себе, которую ничто не сможет поколебать; до глубокой старости она будет считать себя райской птицей, роскошным цветком, распустившимся однажды ночью навстречу желанию мужчины.

И, напротив, из-за неумелого поведения любовника или мужа у женщины может возникнуть комплекс неполноценности, который в некоторых случаях даст толчок к развитию длительных неврозов, в ней может зародиться озлобленность, которая проявится в стойкой фригидности. У Штекеля приводятся поразительные примеры подобной реакции женщин: «Одна тридцатилетняя женщина в течение четырнадцати лет страдала такими невыносимыми поясничными болями, что ей приходилось целыми неделями лежать в постели... Впервые она их почувствовала во время первой брачной ночи. Лишая ее девственности, что происходило для нее очень болезненно, ее муж воскликнул: «Ты меня обманула, ты – не девушка...» Эта тягостная сцена продолжает жить в ней в виде боли. Для мужа эта болезнь является наказанием, поскольку ему пришлось потратить немало денег на многочисленные курсы лечения... Ни в первую брачную ночь, ни в последующей супружеской жизни эта женщина не испытывала сексуального наслаждения. Первая брачная ночь стала для нее ужасной травмой и повлияла на всю ее жизнь».

«Ко мне обратилась молодая женщина с жалобами на нервную систему и особенно на полную фригидность... По ее словам, в первую брачную ночь ее муж, раздев ее, воскликнул: «Какие у тебя короткие и толстые ноги!» Затем он совершил половой акт, который не доставил ей никакого удовольствия, напротив, причинил боль... Она прекрасно понимала, что фригидна потому, что в первую брачную ночь подверглась оскорблению».

«Другая фригидная женщина рассказывает, что в первую брачную ночь муж глубоко оскорбил ее; когда она раздевалась, он, как она утверждает, сказал: «Господи, какая же ты худая». И хотя после этого он приласкал ее, она никогда не могла забыть этого ужасного момента. Какая грубость!».

«Г-жа З. В. также совершенно фригидна. Она пережила глубокую травму в свою первую брачную ночь, потому что после сокоупления муж, как она рассказывает, заявил ей: «У тебя большое отверстие, ты меня обманула».

* * *

Его [мужчины] взгляд таит опасность, руки – угрозу. Как правило, девушка незнакома с отношениями, основанными на применении силы, ей не пришлось пройти через испытания, которые мужчина преодолевал, вступая в драки в детстве или юношестве, она не знает, что значит быть бессильной плотью и находиться во власти другого человека. И вот теперь она в руках мужчины, который гораздо сильнее ее. Мечты разрушены, у нее нет возможности ни отступить, ни прибегнуть к хитрости, она находится во власти самца, и он может делать с ней все, что хочет. Она цепенеет от его объятий, которые так похожи на неведомую ей борьбу. Она позволяла себя ласкать жениху, товарищу, коллеге, словом, воспитанному и вежливому мужчине, и вдруг он превратился в чужого, эгоистичного и упрямого самца, перед которым она чувствует себя совершенно беспомощной.

Нередко бывает, что из-за отвратительной грубости мужчины первое сокоупление девушки превращается в настоящее насилие. В деревне, например, где царят грубые нравы, крестьянская девушка, принимающая ухаживания партнера, но не желающая идти до конца, легко может лишиться девственности в какой-нибудь канаве, испытывая стыд и ужас. Но и в других слоях общества и классах девственница чаще всего подвергается грубому обращению либо со стороны эгоистичного любовника, который думает лишь о своем удовольствии, либо со стороны мужа, уверенного в своих супружеских правах и воспринимающего сопротивление жены как оскорбление и даже приходящего в ярость, если дефлорация оказывается делом нелегким.

Впрочем, даже если мужчина ведет себя в этой ситуации иначе и преисполнен учтивости, первое сокоупление для нее – это всегда насилие. Девушка ожидает, что ее будут целовать в губы или ласкать ее грудь, стремится к уже знакомому ей или предугадываемому половому наслаждению. Вместо этого мужчина разрывает ее девственную плеву и проникает туда, куда она его не призывала. Существует немало рассказов о том, как девушка, изнемогающая от восторга в объятиях мужа или любовника, уверовавшая в то, что она достигла осуществления своей сладострастной мечты, вдруг с ужасом ощущает острую боль, происхождение которой не может понять; все ее мечты развеиваются, любовное томление исчезает, и любовь становится подобием хирургической операции.

Но лишение девственности может быть мучительным даже в том случае, когда происходит с согласия девушки. Мы знаем, какие страсти бушевали в молодой Айседоре Дункан. Она познакомилась с очень красивым актером и влюбилась в него с первого взгляда; он в свою очередь пылко ухаживал за ней.

«Я тоже была в смятении, у меня кружилась голова, меня охватывало желание обнимать его еще крепче. В конце концов, однажды вечером он потерял всякий контроль над собой и, словно охваченный безумием, схватил меня и понес на диван. Так, испытывая страх, замирая от восторга, а затем крича от боли, я узнала, что такое любовь. Должна признаться, что сначала я была страшно испугана и ощущала острую боль, как если бы мне сразу вырвали несколько зубов; но мой возлюбленный так страдал, и мне было так жаль его, что я не протестовала против того, что сначала показалось мне членовредительством и пыткой... (На следующий день) то, что было для меня тогда лишь болью и мукой, началось опять; я стонала и кричала, как будто меня истязали. Мне казалось, что я искалечена».

* * *

Однако в реальных половых отношениях, так же как раньше в девичьем воображении, на первый план выступает не боль, значительно более важную роль играет проникновение полового члена во влагалище. Мужчина совершает половой акт внешним органом; женщина же должна позволить проникновение внутрь себя. Конечно, многим юношам приходится преодолеть страх, чтобы отважиться проникнуть в тайники женского тела; они боятся этого так же, как в детстве боялись темных пещер и склепов или таинственных существ, способных вцепиться зубами, поранить, застигнуть врасплох; им кажется, что их увеличившийся в размере пенис застрянет в половой щели; у женщины нет ощущения опасности при проникновении в нее пениса; зато у нее возникает впечатление, что ее тело перестает принадлежать ей.

Юпитер соблазняет Олимпиаду. Художник Джулио Романо

Хозяин земли или хозяйка дома утверждают свои права предупреждением «не входить»; женщины из-за того, что их лишают трансцендентности, особенно тщательно охраняют все, что окружает их в личной жизни: их комната, шкаф, шкатулка – неприкосновенны. Что касается девушки, то у нее, напротив, нет ничего, кроме собственного тела, это ее самое драгоценное сокровище; проникая в ее плоть, мужчина берет ее; это простонародное слово выражает суть житейского опыта. Унижение, которое она испытала во время полового акта, переходит в конкретные чувства: она придавлена, покорена, побеждена.... Женщина чувствует себя орудием, вся свобода принадлежит Другому.

Наконец, есть еще один фактор, из-за которого мужчина и половой акт кажутся опасными, – это угроза беременности. Почти во всех обществах незаконнорожденный ребенок создает столько социальных и экономических проблем для женщины, что иногда девушки, забеременев, кончают с собой, а матери-одиночки убивают новорожденных.

Имеет ли женщина дело с любовником или мужем, отсутствие абсолютного доверия к своему партнеру вызывает в ней осторожность, парализует ее эротизм. Она или с тревогой следит за действиями мужчины, или сразу же после сокоупления бежит в ванную, чтобы удалить из себя семя, попавшее в нее против ее воли. Эта гигиеническая операция резко разрушает чувственную магию ласки, подчеркивает разделение тел, только что слившихся в общем наслаждении. Фригидность женщины нередко объясняется ее отвращением к спринцовке, кружке, биде.

Более надежные и удобные противозачаточные средства в значительной мере способствуют сексуальному раскрепощению женщины. Благодаря этим средствам женщины полнее отдаются сексуальным порывам. Но для того, чтобы примириться с необходимостью использования противозачаточных средств, а, следовательно, смотреть на свое тело как на вещь, женщине также приходится преодолеть внутреннее сопротивление. Когда-то мысль о

том, что мужчина «пронзит» ее, вызывала у нее озноб; теперь ее удручает мысль о том, что для удовлетворения желаний мужчины она должна «закупорить» себя. Закроет ли она проход в матку или вставит в нее тампон, убивающий сперматозоиды, женщину, осознающую особенности функционирования своего тела и трудности достижения равновесия в сексуальных отношениях, будет смущать такая холодная преднамеренность.

Многие мужчины также не любят прибегать к презервативу, Только вся совокупность сексуального поведения способна оправдать его отдельные моменты. Сексуальные жесты, которые при холодном анализе могли бы внушить отвращение, кажутся вполне естественными, когда тела партнеров преобразуются под влиянием эротического желания. И, наоборот, при расчленении сексуального поведения на отдельные, лишённые смысла элементы, эти элементы могут показаться грязными и непристойными. Совокупление, которое влюбленная женщина воспринимает как единение, слияние с любимым, при отсутствии любовного смятения, желания, наслаждения превращается в ту неприятную хирургическую операцию, каковой оно является по мнению детей. Таков эффект предусмотрительного употребления презерватива, даже когда на него согласны обе стороны.

* * *

Один преподаватель американского колледжа говорил мне, что его ученицы теряют девственность задолго до того, как становятся женщинами. Некоторые девушки бросаются в многочисленные эротические похождения, чтобы избежать страха перед сексуальными отношениями; кроме того, они надеются избавиться таким образом от любопытства и различных наваждений; однако часто их поступки сохраняют сугубо теоретический характер и поэтому не имеют отношения к реальности, точно так же, как те фантазии, с помощью которых девушки предвосхищают будущее. Отдаваясь для того, чтобы бросить кому-либо вызов, а также из страха или пуританского рационализма, девушка не испытывает истинных эротических ощущений, она может пережить лишь какой-то их эрзац, лишенный опасности и большой привлекательности. В этом случае половой акт не сопровождается ни страхом, ни стыдом, потому что она не чувствует глубокого любовного смятения, а удовольствие не охватывает всей ее плоти.

Лишенная таким образом девственности, девушка, в сущности, остается девственницей, и очень вероятно, что в день, когда жизнь толкнет ее в объятия чувственного и властного мужчины, она будет сопротивляться ему, как это обычно делают девушки. Пока же этого не случилось, она похожа на девочку переходного возраста; когда ее ласкают, ей щекотно, когда целуют, смешно; для нее физическая любовь – это что-то вроде игры, и если она не в настроении развлекаться подобным образом, требования любовника кажутся ей грубыми и быстро надоедают; у нее сохраняются отвращение, навязчивые страхи и стыдливость, свойственные девочке-подростку. Если она никогда не преодолеет подобного отношения к эротике, то проживет всю свою жизнь в состоянии полуфригидности.

Здесь мы касаемся основной проблемы женской эротики; в начале эротической жизни самоотречение женщины не компенсируется интенсивным и легко достигаемым наслаждением. Ей было бы значительно легче пожертвовать стыдливостью и гордостью, если бы она знала, что эта жертва ведет ее к райскому блаженству. Но, как мы уже видели, лишение девственности не является счастливым завершением девичьего этапа эротики; напротив, для девушки это совершенно неожиданное явление; влагалищное наслаждение появляется не сразу; по статистике, приведенной Штекелем и подтверждаемой многими сексологами и психиатрами, во время первого совокупления удовольствие получают лишь 4 процента женщин; 50 процентов испытывают влагалищное наслаждение лишь через несколько недель, месяцев, а иногда и лет. Главную роль здесь играют психические факторы. Женское тело

отличается своеобразной «истеричностью» в том смысле, что нередко у женщины между осознаваемыми фактами и их органическим выражением не существует никакой дистанции; моральное сопротивление женщины не позволяет ей испытывать удовольствие; если это сопротивление ничем не компенсируется, оно долго не ослабляется и образует мощное препятствие для удовлетворения сексуального желания. Часто возникает порочный круг: первая неловкость, совершенная любовником, неделикатное слово или жест, высокомерная улыбка отражаются на всем медовом месяце или даже на всей супружеской жизни.

Молодая женщина не испытывает удовольствия, разочаровывается, и в ней зарождается озлобленность, которая мешает ей достичь гармонии в сексуальной жизни. Правда, мужчина, которому не удастся удовлетворить женщину нормальным путем, может доставить ей удовольствие через клитор и таким образом расслабить и умиротворить ее, что бы там ни говорилось в нравоучительных легендах. Однако многие женщины не хотят этого, потому что клиторное удовольствие в большей степени, чем влагалищное, воспринимается как навязанное извне; женщина, разумеется, страдает от эгоизма мужчины, который думает лишь о собственном удовлетворении, но ей также неприятно слишком открыто проявляемое желание доставить ей удовольствие. «Доставить наслаждение другому, – говорит Штекель, – значит получить над ним власть; отдаться кому-либо – значит отречься от своей воли».

* * *

В то же время в девушке наблюдается желание ощущать чье-либо господство. По мнению некоторых психоаналитиков, женщинам присущ мазохизм, и именно это свойство их натуры помогает им приспособиться к своей эротической судьбе. Заметим, однако, что понятие «мазохизм» весьма запутанно, и нам следует подробно рассмотреть его. Вслед за Фрейдом психоаналитики различают три формы мазохизма; одна из них заключается в связи болезненных ощущений с чувственностью, вторая состоит в том, что в любви женщина соглашается на подчиненное положение, а третья – в существовании у нее некоего механизма самонаказания. Психоаналитики утверждают, что женщине свойствен мазохизм, потому что при потере девственности и родах удовольствие якобы бывает связано с болезненными ощущениями, а также потому, что она мирится со своей пассивной ролью в любви.

Прежде всего, следует заметить, что болезненные ощущения играют определенную роль в эротических отношениях, не имеющую ничего общего с пассивным подчинением. Нередко боль поднимает тонус испытывающего ее индивида, пробуждает чувствительность, притупленную сильным любовным смятением и удовольствием; она напоминает яркий луч, вспыхивающий во тьме плотских ощущений, отрезвляет влюбленных, млеющих в ожидании наслаждения, с тем, чтобы позволить им вновь погрузиться в состояние этого ожидания. В порыве нежной страсти любовники нередко причиняют друг другу боль. Полностью погруженные во взаимное плотское наслаждение, они стремятся использовать все формы контактов, единения и противоборства. В пылу любовной игры человек забывает самого себя, приходит в исступление, в экстаз.

Страдание также разрушает границы личности, доводит чувства человека до пароксизма, заставляет его превзойти самого себя. Боль всегда играла значительную роль в оргиях; известно, что высшее наслаждение может граничить с болью: ласка иногда превращается в пытку, а мучение может доставлять удовольствие. Обнимаясь, любовники нередко кусают, царапают, щиплют друг друга; такое поведение не свидетельствует об их садистских наклонностях, в нем выражается стремление к слиянию, а не к разрушению, субъект, на которого оно направлено, вовсе не стремится к самоотрицанию или самоунижению, он жаждет единения. К тому же такое поведение свойственно отнюдь не только мужчинам. Дело в том, что боль может быть признаком мазохизма лишь тогда, когда она добровольно принимается как

знак рабского подчинения. Что же касается боли, испытываемой при потере девственности, то она как раз не сопровождается никаким удовольствием, а муки при родах внушают страх всем женщинам, и они очень радуются тому, что современные методы могут им принести облегчение. Боль занимает абсолютно одинаковое место в чувственности женщины и мужчины.

Следует также отметить, что женская покорность – это весьма неоднозначное понятие. Как мы видели, в большинстве случаев девушки в воображении принимают господство полубога, героя, мужчины, но это всего лишь следствие их склонности к самолюбованию. На деле они несколько не расположены терпеть подобное господство, если оно выражено в плотских отношениях. Напротив, они нередко отвергают мужчину, вызывающего в них восхищение и уважение, и доверяются человеку, не обладающему над ними никакой властью.

Не следует забывать, что в сексуальных отношениях женщине действительно обычно принадлежит пассивная роль; однако в конкретном воплощении в жизнь этой пассивности нет ничего мазохистского, впрочем, так же как в нормальной агрессивности мужчины нет ничего садистского; из ласки, любовного смятения и совокупления женщина либо сама извлекает удовольствие и тем самым утверждает свое «я», либо она стремится к единению с любовником, жаждет отдаться ему, что означает, что она превосходит себя, но отнюдь не отрекается от себя. Мазохизм заключается в том, что индивид сознательно отдает себя во власть сознания другого человека, который превращает его в вещь в чистом виде; при этом индивид сам себя осознает как вещь, играет роль вещи. «Мазохизм является не попыткой соблазнить другого собственной объективностью, а попыткой соблазнить самого себя собственной объективностью для другого».

* * *

О мазохизме можно говорить тогда, когда «я» существует отдельно от индивида и этот отчужденный двойник мыслится обоснованным свободой другого человека. В этом смысле некоторые женщины действительно являются мазохистками. К этому предрасположены девушки, которым свойственно самолюбование, ведущее к отчуждению собственного «я». Если в самом начале эротической жизни им случается пережить глубокое смятение и желание, они познают подлинные чувства и ощущения любви, и тот идеал, который они называли своим «я», исчезает; но если в начале эротической жизни девушку подстерегает фригидность, это «я» утверждается, и в том, что она превращается в вещь, принадлежащую мужчине, девушка видит свою вину. А ведь «мазохизм, так же как садизм, – это осознание чувства вины. Я виновен уже потому, что являюсь вещью». Эта мысль Сартра сближается с фрейдовским понятием самонаказания. Девушка видит свою вину в том, что она отдает свое «я» другому человеку, и наказывает себя за это, сознательно все глубже погружаясь в униженное и подчиненное состояние; как мы уже видели, девственницы мысленно противостоят своим будущим любовникам; предчувствуя свое скорое поражение, они в качестве наказания подвергают себя различным пыткам; имея дело с реальным любовником, они упрямо продолжают следовать той же линии поведения.

Нам известно также, что сама фригидность – это возмездие, налагаемое женщиной на самое себя и на партнера; из-за уязвленного тщеславия у девушки возникает обида на любовника и на самое себя, поэтому она запрещает себе испытывать удовольствие. Девушка-мазохистка иступленно отдается в рабство мужчине, говорит ему о своем обожании, стремится к унижению, побоям; тот факт, что она согласилась на отчуждение собственного «я», вызывает в ней ярость, углубляющую отчуждение. Именно так ведет себя Матильда де ля Моль: она в бешенстве от того, что отдалась Жюльену, именно поэтому она падает к его ногам, хочет покориться всем его капризам, приносит ему в жертву свои роскошные волосы;

но в то же время она восстает и против него, и против самой себя; мы догадываемся, что в его объятиях она холодна, как лед.

Фригидная Венера. Художник Питер Пауль Рубенс

Притворное самозабвение женщины-мазохистки создает новые помехи, преграждающие ей путь к наслаждению, в то время, как она мстит себе именно за неспособность познать его. Порочный круг, в котором женщина движется от фригидности к мазохизму, может навсегда замкнуться и толкнуть ее в качестве компенсации к садистскому поведению. Возможно также, что эротическое созревание избавит женщину от фригидности и самолюбования, она осознает истинный смысл своей сексуальной пассивности и, перестав играть в нее, действительно ее переживет. Ибо парадокс мазохизма заключается в том, что самоотречение субъекта требует от него постоянных усилий; забыться же он может, лишь отдаваясь другому в стихийном порыве, без всякой задней мысли. Итак, женщина действительно более склонна, чем мужчина, к мазохистскому искушению, ее положение пассивного эротического объекта толкает ее на игру в пассивность, которая в свою очередь представляет собой самонаказание, вытекающее из ее бунтарского самолюбования и его следствия – фригидности; факт остается фактом: среди женщин и, особенно, среди девушек мазохизм очень распространен.

* * *

Сексуальная жизнь женщины зависит не только от всего описанного выше, но и от ее социального и экономического положения. Более глубокое изучение этой темы без учета социально-экономического контекста может привести к выводам, далеким от реальности. Однако из уже проделанного нами анализа можно сделать некоторые заключения общего характера. Эротика – это одна из тех областей действительности, в которой люди наиболее остро чувствуют двойственность своей натуры; в эротическом опыте они ощущают себя и плотью, и духом; и Другим, и субъектом. Этот конфликт приобретает действительно драматический характер для женщины, поскольку в начале эротической жизни она осознает, что является лишь объектом, а также потому, что ей нужно время для того, чтобы научиться достигать сексуального удовольствия; познавая особенности своей плотской натуры, она в то же время вынуждена вести борьбу, чтобы вернуть себе утраченное достоинство трансцендентного и свободного субъекта; это непростое и рискованное предприятие; многим женщинам не удастся довести его до успешного конца. Но именно благодаря сложности проблем, с которыми они сталкиваются, им удастся избежать заблуждений, свойственных мужчинам, которые охотно верят в такие свои обманчивые преимущества, как агрессивная роль и исключительная способность испытывать оргазм; мужчины не без колебаний осознают в себе плоть. Представление женщины о себе более достоверно.

Однако даже если женщина более или менее хорошо приспосабливается к пассивной роли, она всегда чувствует себя лишенной многих возможностей, свойственных активному

индивиду. И если она и завидует мужчине, то не оттого, что у него имеется орган обладания, а оттого, что ему дана способность овладевать добычей. Странный парадокс заключается в том, что чувственный мир, окружающий мужчину, состоит из мягкости, нежности, приветливости, – словом, он живет в женском мире, тогда как женщина бьется в суровом и жестком мире мужчины; из-за этого в ней сильно желание прикасаться к гладкой коже, к мягким округлым формам, ей нравится поглаживать цветы или мех, ласкать ребенка, подростка или женщину; немалая часть ее личности остается невостребованной, она стремится к обладанию сокровищем, подобным тому, которое женщина дарит мужчине.

Именно этим объясняется свойственная многим женщинам, хотя и не всегда явно выраженная, склонность к лесбийской любви. У некоторых женщин эта склонность под воздействием целого комплекса сложных причин проявляется с особой силой. Не все женщины прибегают к классическому решению своих сексуальных проблем, то есть к тому единственному решению, которое признано обществом.

Лесбиянство

Лесбиянок часто изображают в фетровой шляпе, коротко остриженных и в строгом костюме; говорят, что причиной их сходства с мужчинами является отклонение от нормы, вызываемое гормональными нарушениями. Однако нет ничего более ошибочного, чем смешение лесбиянки и мужеподобной женщины. Немало лесбиянок встречается среди одалисок, придворных дам, то есть среди самых что ни на есть «женственных» женщин; и напротив, многие мужеподобные женщины не являются лесбиянками. Сексологи и психиатры подтверждают то, что явствует из обычных наблюдений: подавляющее большинство «проклятых женщин» с точки зрения анатомии ничем не отличаются от других женщин. Никакая «анатомическая судьба» не предопределяет особенностей их сексуального влечения.

Разумеется, иногда в силу физиологических причин возникают особые случаи. Между двумя полами нет строгих биологических различий; идентичное тело изменяется под гормональным воздействием, направленность которого в принципе определяется генотипом, но может в течение развития зародыша отклониться в сторону; такие отклонения приводят к возникновению индивидов, не являющихся ни мужчинами, ни женщинами. Некоторые мужчины бывают похожи на женщин из-за позднего полового созревания; случается, что девушки – особенно спортсменки – вдруг превращаются в юношей. Х. Дейч рассказывает историю одной девушки, которая пылко ухаживала за замужней женщиной, хотела похитить ее и жить с ней вместе; и вдруг однажды она обнаружила, что превратилась в мужчину; она смогла жениться на своей возлюбленной, у них родились дети.

Однако из сказанного не следует, будто в каждой лесбиянке за обманчивыми формами скрывается мужчина. Нередко у гермафродитов, имеющих обе половые системы в неразвитом состоянии, наблюдается сексуальное поведение, свойственное женщинам. Я знала одну такую женщину; она была в отчаянии от того, что не могла привлечь внимание ни гетеросексуальных мужчин, ни педерастов, в то время как ей самой нравились только мужчины. Под воздействием мужских гормонов у мужеподобных женщин развиваются вторичные половые признаки, свойственные мужчинам; что касается инфантильных женщин, то у них женские гормоны вырабатываются в недостаточном количестве и их половое развитие остается незавершенным.

Эти физиологические особенности могут прямо или опосредованно толкнуть женщину к лесбийской любви. Женщина, в которой кипят жизненные силы, которой свойственны страстность и агрессивность, стремится быть активной и, как правило, отвергает пассивность; если женщина некрасива или имеет врожденные физические недостатки, она может попытаться компенсировать свою неполноценность, приобретя мужские качества; если у нее неразвиты эрогенные зоны, она не чувствует потребности в мужских ласках,

Однако анатомия и гормоны создают лишь определенную предрасположенность, но отнюдь не определяют сексуальную ориентацию женщины. Х. Дейч приводит историю одного раненного польского легионера, за которым она ухаживала во время войны 1914–1918 годов. На самом деле это была девушка с явно выраженными мужскими вторичными половыми признаками; она пошла в армию сначала в качестве сестры милосердия, а затем сумела стать солдатом; это не помешало ей влюбиться в своего сослуживца (впоследствии она вышла за него замуж), и из-за этого ее считали гомосексуалистом. Таким образом, несмотря на мужеподобные внешние проявления, ей была свойственна эротика женского типа. Бывают случаи, когда и мужчины испытывают сексуальное влечение не только к женщинам; мужчина может быть гомосексуалистом, обладая полноценным мужским организмом, а мужеподобная женщина вовсе не обязательно обречена на лесбийскую любовь.

* * *

Большой заслугой психоаналитиков явилось то, что они стали рассматривать извращение не как органическое, а как психическое явление; однако и им представляется, что извращение порождается внешними обстоятельствами. Впрочем, они мало занимались этим вопросом. По мнению Фрейда, в процессе развития женской эротике обязательно происходит переход от клиторной стадии к влагалищной, который ученый сравнивает с другим переходом, заключающимся в том, что, подрастая, девочка переносит любовь, питаемую ею первоначально к матери, на отца; различные причины могут помешать развитию этого процесса; например, женщина не может смириться со своим состоянием кастрата или не хочет признаться самой себе, что у нее отсутствует пенис, вся ее любовь концентрируется на матери, и она ищет кого-нибудь, кто мог бы ее заменить.

По мнению Адлера, остановка в развитии эротике – это не случайное и не пассивно воспринимаемое событие, она совершается по воле женщины, которая, стремясь реализовать бушующие в ней силы, сознательно отрицает свою неполноценность и старается стать вровень с мужчиной, господство которого ей претит. Но будь то остановка эротического развития на инфантильной стадии или протест мужеподобной женщины, для Адлера женский гомосексуализм представляет собой незавершенность эротического развития. На деле лесбиянка не является ни «несостоявшейся» женщиной, ни женщиной «высшего» типа. Индивид в своем развитии не обязательно движется по пути прогресса: на каждом этапе развития прошлое переосмысливается в связи с новым выбором, и, если индивид склоняется к тому, что считается «нормальным», это не придает его выбору никакой особой значимости; о выборе следует судить по его соответствию природным свойствам индивида. Лесбийская любовь может быть для женщины как бегством от своего естественного состояния, так и его осознанием. Основная вина психоаналитиков заключается в том, что из морализаторского конформизма они всегда рассматривают лесбийскую любовь как неаутентичное поведение.

Женщина – это такое существо, от которого требуют, чтобы она превратилась в объект; однако, будучи субъектом, она обладает агрессивной чувственностью, которую может удовлетворить лишь при контакте с телом мужчины, – это источник конфликтов, которые женской эротике необходимо разрешить. Нормальными считаются такие отношения, при которых женщина сначала становится добычей самца, а затем, с рождением ребенка, вновь приобретает самостоятельность; но ведь «естественность» этих отношений соответствует более или менее понятному социальному интересу. Даже гетеросексуальные отношения предоставляют и другие возможности. Лесбийская любовь – это одна из попыток примирить независимость женщины с пассивностью ее плоти.

И если уж говорить о природных наклонностях, то можно заметить, что у любой женщины есть сексуальная тяга к лицам своего пола. Для лесбиянки характерен отказ от отно-

шений с мужчиной и влечение к женской плоти; но ведь все девочки-подростки испытывают страх перед половым актом, боятся господства мужчины, с некоторым отвращением относятся к мужскому телу; и напротив, для них, так же как для мужчин, женское тело является чем-то желанным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.